
1955
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XIII, No. 4
40

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.
465 Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS
Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.
G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XIII, №. 4. **Price $ 3.00 yearly** December, 1955.

Содержаніе:

Contents:

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на

„МОРСКІЯ ЗАПИСКИ"

на 1956 годъ.

Цѣна 3.00 съ пересылкой
14-ый годъ изданія.

Редакція, не имѣя возможности разсылать напоминанія, проситъ постоянныхъ подписчиковъ не задерживать присылку подписной платы, такъ какъ отъ имѣемаго наличія будетъ зависѣть объемъ и время выпуска слѣдующаго номера.

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ ВО ФРАНЦІИ
и французскихъ колоніяхъ:

Представитель „Морскихъ Записокъ" на Францію и французскія колоніи:

Кап. 2 р. Владиміръ Владиміровичъ Скрябинъ
Mr. W. Skriabine
38, Boulevard de la Republique
Boulogne sur Seine (Seine), France
Cheques Postal — 12056-28

Просьба обращаться къ нему по всѣмъ вопросамъ, касающимся „Морскихъ Записокъ".

Инж. Мех. Кап. 1 р. В. В. Саксъ

Эскадренный Миноносецъ „ГРОМКІЙ"

Былъ жаркій день лѣта 1904 г. Я только что окончилъ Морскую Николаевскую Академію и шелъ по Невскому по направленію къ Адмиралтейству, чтобы узнать о своемъ назначеніи.

Обыкновенно пустующій Невскій былъ запруженъ озабоченными прохожими, раскупающими только что выпущенныя газеты. Особеннымъ успѣхомъ пользовалось „Новое Время", въ которомъ капитанъ I р. Кладо настаивалъ своими зажигательными статьями на посылкѣ на Востокъ возможно большаго количества боевыхъ судовъ для освобожденія Портъ Артура и для отнятія господства на морѣ у японцевъ.

Хотя моряки не совсѣмъ соглашались съ выводами и боевыми коэфиціентами Кладо, всѣ мы стремились попасть въ списки флота, отправляемаго на Востокъ.

По дорогѣ я догналъ моего соплавателя и пріятеля, капитана 2 ранга Георгія Федоровича Кернъ, который такъ же направлялся въ Главный Морской Штабъ, чтобы постараться освободиться отъ командованія яхтой Управляющаго Морскимъ Министерствомъ и попасть въ списки боевыхъ судовъ.

Гога Кернъ, какъ его знали на флотѣ, былъ сынъ Севастопольскаго героя, который защищалъ Малаховъ курганъ и получилъ Георгія на шею. Строгій къ себѣ и къ подчиненнымъ, онъ имѣлъ репутацію дѣльнаго и храбраго офицера.

Въ Штабѣ мы были любезно встрѣчены Помощникомъ Начальника Штаба, который, показавъ списки достраиваемыхъ судовъ, сообщилъ, что всѣ ваканціи уже разобраны, за исключеніемъ трехъ миноносцевъ, строющихся на Невскомъ Судостроительномъ Заводѣ, которые были заложены недавно и не имѣютъ шанса поспѣть къ выходу эскадры на Востокъ. Кернъ и я все же рѣшили съѣздить на заводъ и лично убѣдиться въ возможности ускорить сдачу этихъ судовъ въ казну.

Посѣтивъ заводъ, мы нашли всѣ три миноносца на стапелѣ и что первый по готовности „Грозный" уже имѣетъ назначенныхъ командира и старшаго инженеръ-механика и могъ быть готовымъ къ испытаніямъ къ серединѣ лѣта. Что касается второго миноносца, „Громкій", то на это судно никто еще не былъ назначенъ, т. к. оно врядъ ли будетъ готово ранѣе послѣднихъ дней осени этого года. Осмотрѣвъ „Громкій" и переговоривъ съ инженерами завода, мы все же рѣшили попытаться приготовить миноносецъ къ уходу Догоняющаго Отряда, а потому снова посѣтили Главный Морской Штабъ и настояли на нашемъ назначеніи. По полученіи приказа о нашемъ назначеніи, мы принялись энергично за наблюденіемъ и ускореніемъ постройки „Громкаго", чтобы быть готовыми къ уходу Догоняющаго Отряда. „Громкій" долженъ былъ быть испытанъ въ сентябрѣ, т. е. черезъ четыре мѣсяца, а между тѣмъ, только корпусъ былъ готовъ и были установлены гребные валы и винты. Машины собирались въ мастерскихъ, а въ 4-хъ котлахъ „Нормана" развальцовывали водогрѣйныя трубки.

Конструкція, вооруженіе и устройство миноносца „Громкій" были идентичны съ типомъ „Бравый", и поэтому я не буду останавливаться на деталяхъ, а только позволю себѣ указать на затрудненія, связанныя съ переходомъ океана безъ базъ, миноносцамъ этого класса. Эти суда были спроектированы для краткихъ выходовъ изъ портовъ, и послѣ атаки на непріятеля, должны были возвращаться въ свою базу для пополненія запасовъ угля и воды и для переборки механизмовъ и чистки котловъ. Главные поршневые двигатели собирались, принимая во вниманіе полное расширеніе машинъ вдоль осевой линіи при полномъ ходѣ, и имѣли перекосы при малыхъ и даже среднихъ ходахъ. Такое устройство заставляетъ избѣгать малыхъ ходовъ, такъ необходимыхъ для экономіии топлива на длинныхъ переходахъ.

Фильтры питательной воды были спроектированы, не принимая во вниманіе возможность частой ихъ чистки.

Что касается паровыхъ водотрубныхъ котловъ, то ихъ необходимо было питать исключительно дистилированной водой и подвергать, какъ можно чаще, щелоченію.

Кипятильники были малаго размѣра и были недостаточны для пополненія питательной воды.

Запасъ угля былъ расчитанъ на недолгое пребываліе внѣ порта, а потому требовалъ частаго пополненія.

Что касается конструкціи корпуса, то хотя вдоль бортовъ и были предусмотрены защитные привальные брусья, они не могли предохранить тонкіе листы отъ поврежденія корпуса судна при погрузкѣ угля и запа-

совъ въ открытомъ морѣ на зыби. Руль былъ не достаточно прочной конструкціи. Что касается кнехтовъ для буксировки, то они были настоль слабыми, что врядъ ли могли выполнить свое назначеніе.

Все вышеприведенное, а также и другія мелочи очень озаботили меня и Керна, но что-либо измѣнить было не въ нашихъ силахъ и мы должны были примириться съ этими недостатками, присущими миноносцамъ, и не задерживая постройку старались наблюдать, чтобы все было въ исправности согласно чертежей спесификаціи. Надо отдать справедливость заводу, который всѣми силами и не жалѣя издержекъ торопился закончить такъ необходимый намъ миноносецъ къ сроку, т. е. къ уходу Догоняющей Эскадры, куда намъ удалось быть зачисленными.

Въ началѣ сентября ,,Громкій'' былъ спущенъ на воду и былъ настолько готовъ, что было рѣшено, не дожидаясь окончанія жилыхъ помѣщеній, перевести миноносецъ подъ коммерческимъ флагомъ въ Кронштадтъ для испытаній, гдѣ къ этому времени ,,Грозный'' уже былъ принятъ въ казну.

Мы съ Керномъ рѣшили не покидать миноносецъ и перебрались въ не совсѣмъ законченныя каюты. ,,Громкій'' вошелъ въ Среднюю гавань, гдѣ и ошвартовался вблизи Пароходнаго Завода, который любезно разрѣшилъ Невскому Заводу пользоваться всѣми заводскими мастерскими. Не ожидая полной готовности жилыхъ помѣщеній, когда паровая установка была закончена, миноносецъ былъ предъявленъ для испытанія, Пріемной Комиссіей. Первый выходъ ,,Громкаго'' былъ крайне неудаченъ, т. к. на пути къ мѣрной мили лѣвый гребной винтъ былъ поврежденъ какимъ-то плавающимъ предметомъ и пришлось прекратить испытаніе и итти въ докъ для перемѣны винта. Этимъ не закончилась наша неудача, т. к. въ одномъ котлѣ оказалось три течи въ водогрѣйныхъ трубкахъ. Трубки быстро были замѣнены новыми, но разрывы трубокъ указали на недоброкачественность матеріала, и явилось сомнѣніе въ ненадежности остальныхъ трубокъ. Рѣшено было потребовать въ запасъ половину полнаго комплекта водогрѣйныхъ трубокъ и продолжать испытанія.

Главный Командиръ Порта адмиралъ Бирилевъ посѣтилъ нашъ миноносецъ и для ускоренія его готовности приказалъ поднять флагъ, что и было исполнено несмотря на энергичные протесты завода, практика котораго была не сдавать судна до конца всѣхъ испытаній.

Въ концѣ сентября на миноносецъ, уже укомплектованный военной командой, снова явилась Пріемная Коммисія. На этотъ разъ испытанія прошли благополучно, и ,,Громкій'' на мѣрной милѣ далъ 25,2 узловъ. Коммисія на этомъ закончила испытанія, предоставивъ судовому составу закончить пріемъ судна въ казну. Въ скоромъ времени были установлены

оба 57 м/м. орудія и пулеметы на мостикахъ, а также оба минныхъ аппарата. Мы вышли на рейдъ и погрузили полный запасъ снарядовъ и приняли шесть минъ. Послѣ опредѣленія девіаціи „Громкій" былъ готовъ вступить въ строй.

На миноносецъ прибыли лейтенантъ Александръ Паскинъ и мичманъ Эммануилъ Шелашниковъ, которые заняли кормовыя каюты, а мичману Владимиру Потемкину пришлось помѣститься на одномъ изъ дивановъ каютъ-компаніи.

Главный Командиръ снова посѣтилъ „Громкій" и сообщилъ, что эскадра адмирала Рожественскаго вышла 2-го октября изъ Либавы, а намъ предписано немедленно итти въ Либаву для соединенія съ Догоняющимъ Отрядомъ, который въ скоромъ времени долженъ былъ покинуть Кронштадтъ и итти тоже въ Либаву.

Съ согласія Невскаго Завода мы приняли на миноносецъ 6 мастеровыхъ для переборки механизмовъ и для заканчиванія паровыхъ установокъ. Несмотря на ненадежность водогрѣйныхъ трубокъ, не имѣя большого запаса ихъ, мы рѣшили въ тотъ же день перейти в Либаву.

Никогда за время всей моей службы мнѣ не пришлось испытат такъ много тревогъ и заботъ, какъ на этомъ, сравнительно маломъ, переходѣ.

Наскоро набранная каманда была плохо обучена, и я могъ лишь надѣяться на помощь кондуктора Петрова и кочегарнаго унтеръ-офицера Притвора, которые присутствовали на испытаніи механизмовъ и котловъ миноносца.

Неопытную мало плававшую команду сильно укачивало, и мы съ трудомъ поддерживали необходимое для 17-ти узловаго хода давленіе въ двухъ котлахъ передней кочегарки. Кромѣ того приходилось держать въ запасѣ третій котелъ въ случаѣ разрыва трубокъ. Трубки продолжали рваться, что также значительно осложняло уходъ за паровыми котлами.

После суточнаго плаванія команда начала осваиваться со своими обязанностями, и мы благополучно добрались до Либавы и ошвартовались у бона въ бассейнѣ рядомъ съ ранѣе прибывшимъ „Грознымъ".

Работы на миноносцѣ далеко были не закончены, но къ счастью мы узнали, что „Олегъ" запоздалъ и мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльный срокъ для приведенія себя въ порядокъ.

Въ началѣ ноября наконецъ прибылъ Догоняющій Отрядъ. Командующій отрядомъ, кап. I р. Добротворскій весьма скептически отнесся къ нашей готовности. Особенно его смущали наши лопающіяся трубки котловъ, и онъ съ большимъ трудомъ разрѣшилъ Керну итти вмѣстѣ

съ нимъ и заявилъ, что въ случаѣ „Громкій" будетъ задерживать отрядъ, то онъ его отправитъ обратно въ Россію.

На это условіе мы согласились, т. к. имѣли большой запасъ водогрѣйныхъ трубокъ и двухъ опытныхъ сборщиковъ котловъ Невскаго Завода и уже подученную команду, т. ч. мы были увѣрены, что справимся съ нашей трудной задачей.

3-го ноября Догоняющій Отрядъ въ составѣ крейсеровъ: „Олегъ", „Изумрудъ", вспомогательныхъ крейсеровъ „Днѣпръ" и „Ріонъ" и миноносцевъ „Громкій", „Грозный", „Прозорливый", „Проницательный" и „Рѣзвый" вышелъ изъ Либавы и благополучно дошелъ до Судской бухты Крита. „Громкій" имѣлъ полный запасъ угля и, вдобавокъ, 100 мѣшковъ угля принайтовленныхъ по обѣимъ сторонамъ котельнаго кожуха. Пользуясь немногими стоянками въ бухтахъ, мы пополняли запасъ угля съ „Днѣпра".

Весь этотъ походъ мало отличался отъ обыкновеннаго заграничнаго плаванія, т. к. всѣ суда ночью несли отличительные огни, и мы были далеко отъ непріятеля. На всѣхъ судахъ поизводились ученія и часто практиковалась боевая тревога.

Въ описанное время служба на миноносцахъ отличалась отъ таковой на большихъ, сильно заброннрованныхъ, судахъ нашего флота. На судахъ большого тоннажа команда рѣзко раздѣлялась на строевую и нестроевую. Строевой составъ предназначался для активнаго боя, а нестроевые чины для передвиженія судна. Строевой составъ, большей частью, находился во время боя надъ ватерлиніей и въ мало защищенныхъ броней помѣщеніяхъ, тогда какъ машинная команда работала въ отсѣкахъ ниже ватерлиніи и была защищена, кромѣ того, толстымъ броневымъ поясомъ. Во время боевой тревоги мѣсто Старшаго Инженеръ-Механика было въ главномъ машинномъ отдѣленіи, гдѣ онъ находился въ связи, при помощи переговорныхъ приспособленій, съ командиромъ и со своими помощниками въ кочегаркахъ и другихъ вспомагательныхъ машинныхъ отдѣленіяхъ. Что же касается миноносца, то всѣ офицеры и вся команда во время боя практически находятся въ идентичномъ положеніи, не имѣя серьезной защиты и находясь неглубоко надъ ватерлиніей.

Что касается лично меня, то, по соглашенію съ командиромъ, мѣсто мое во время боя было на верхней палубѣ около машиннаго люка, для возможности быстро спуститься, въ случаѣ необходимости, въ любое ввѣренное мнѣ отдѣленіе и быть все время на виду у Керна для личныхъ переговоровъ. Кромѣ того, всѣ офицеры и команда ясно понимали значеніе машинъ и котловъ на миноносцѣ. Весь составъ миноносца понималъ, что въ случаѣ неисправности машинъ, судно лишится самаго главнаго эле-

мента защиты и нападенія на непріятеля, и поэтому особеннымъ уваженіемъ пользовалась машинная команда.

На военныхъ судахъ только одна вахта — боевая — была въ полномъ распоряженіи старшаго инженеръ-механика. Что касается остальной части машинной команды, то во время боевой тревоги она поступала въ полное подчиненіе Старшаго офицера для расписанія по судовымъ работамъ и подачи снарядовъ.

Въ то время какъ во время боевой тревоги всѣ на палубѣ были заняты практикой веденія войны, боевая вахта подсмѣняла команду, необходимую Старшему офицеру, и была занята рутинной работой по управленію машинами и котлами судна. Съ разрѣшенія командира, я рѣшилъ ввести для боевой вахты специальное ученіе управленію паровой установкой при аваріяхъ, связанныхъ съ поврежденіемъ машинъ и котловъ отъ снарядовъ непріятеля. Въ началѣ команда не особенно реагировала на это нововведѣніе, но постепенно крайне заинтересовалась включеніемъ и выключеніемъ предполагаемыхъ поврежденныхъ частей трубопровода и котловъ. По командѣ — поврежденіе какой либо части — унтеръ-офицеръ и замѣстители быстро намѣчали мѣломъ клапана и части, необходимые включать и выключать, т. ч. можно было всегда провѣрить правильность принятыхъ мѣръ. Что касается кочегарныхъ отдѣленій, то по тревогѣ кочегары должны были спасаться подъ заранѣе приготовленные брезенты для предохраненія отъ обжоговъ. Я нашелъ, что такія ученія не только заствляли команду проникнуться духомъ боевой обстановки, но и заставляли точно изучать всю машинную и котельную установки.

Во время перехода „Громкаго" до Судской бухты, я рѣшилъ опредѣлить недоброкачественныя трубки въ котлахъ, для чего мы держали въ запасѣ третій котелъ и сильно форсировали два необходимыхъ для перехода котла. Благодаря такой операціи, было найдено до 70-ти лопнувшихъ трубокъ, которыя были замѣнены, а остальныя не дали намъ никакихъ аварій вплоть до Цусимскаго боя. Послѣ разрѣшенія этого серьезнаго вопроса осталось лишь привести въ порядокъ главныя машины, которыя обнаружили сильный износъ подшипниковъ.

Въ это время выяснилось, что Артуръ палъ, и насъ задержали па неопредѣленное время на Критѣ. Съ разрѣшенія Командующаго Отрядомъ, мы перешли въ Пирей для переборки машинъ и пользованія, въ случаѣ необходимости, береговыми мастерскими. При помощи 4-хъ указателей Невскаго Завода, все еще плававшихъ съ нами, мы быстро перебрали машины и пришабрили подшипники, принимая во вниманіе износъ ихъ на малыхъ ходахъ. Присоединившись въ этотъ разъ къ Догоняющему

Отряду, мы теперь находились въ полной боевой исправности, и вопросъ отсылки насъ въ Россію отпалъ.

Томительно тянулись дни нашего вынужденнаго стоянія въ Судской бухтѣ. Тревожные слухи всѣхъ насъ нервировали, такъ какъ говорилось даже о возвращеніи нашей эскадры въ Россію.

Временемъ этой стоянки офицеры воспользовались для изученія обязанностей въ ввѣренныхъ имъ частяхъ. Паскинъ со своей командой входилъ во всѣ мелочи тушенія пожаровъ и вмѣстѣ съ трюмными заготовлялъ матеріалы для починки корпуса. Шелашниковъ увлекался штурманскимъ дѣломъ, а Потемкинъ съ комендорами изучалъ 57 м/м. орудія и пулеметы. Что касается командира, то будучи миннымъ офицеромъ, онъ занимался съ кондукторомъ тактикой минной стрѣльбы, предоставляя мнѣ наблюдать за прокачкой минъ.

Наконецъ пришелъ приказъ Главнаго Морского Штаба нашему отряду итти черезъ Суэцкій каналъ на Мадагаскаръ для соединенія съ эскадрой адмирала Рожественскаго. Быстро были погружены запасы, и нашъ отрядъ вышелъ изъ Судской бухты по направленію къ Портъ Саиду, гдѣ на ходу высадили на буксиръ указателей Невскаго Завода, такъ много способствовавшихъ намъ по приведенію миноносца въ полный порядокъ.

Этотъ переходъ мало отличался отъ предыдущаго, т. к. рѣдкая погрузка запасовъ совершалась на тихой водѣ въ закрытыхъ бухтахъ.

Въ Красномъ морѣ миноносцы „Громкій" и „Грозный" несли дозорную службу и осматривали встрѣчныя суда.

Спускаясь на югъ, мы почувствовали рѣзкую перемѣну температуры, особенно страдала кочегарная команда отъ жары и недостатка прѣсной воды. Отъ употребленія соленой забортной воды появилась тропическая сыпь, сильно изнурявшая личный составъ.

Наконецъ мы прибыли въ Джибути, гдѣ рѣшено было дать отряду передышку. Миноносцы стояли недалеко отъ пристани, что же касается большихъ судовъ, то они, во главѣ съ „Олегомъ", должны были, благодаря мелководью бухты, стоять въ двухъ миляхъ разстоянія отъ нашей якорной стоянки. За исключеніемъ одной фальшивой тревоги на „Олегѣ", когда намъ пришлось быстро поднять пары и итти ему на выручку, стоянка была спокойная.

Вслѣдствіи выяснившейся непригодности миноносцевъ типа „Соколъ" продолжать походъ, рѣшено было ихъ оставить въ Джибути и отправить обратно въ Россію. Воспользовавшись этимъ извѣстіемъ, Кернъ, съ согласія Командующаго и войдя въ контактъ съ командирами миноносцевъ, предложилъ желающимъ перемѣниться съ матросами „Громкаго",

выразившими желаніе вернуться въ Россію по нездоровью или по семейнымъ дѣламъ. Волонтеровъ оказалось несравненно больше чѣмъ освободилось у насъ ваканцій, и замѣна быстро состоялась. Прибывшіе волонтеры сразу внесли новый лихой боевой духъ въ нашей командѣ, и съ этого момента нашъ миноносецъ сталъ завоевывать глубокое уваженіе, т. к. самъ напрашивался на самую трудную и опасную работу.

Распростившись съ тремя покидавшими насъ миноносцами, мы снова двинулись въ путь по направленію къ Мадагаскару. Послѣ захода на сутки въ Занзибаръ для погрузки угля, мы продолжали нашъ путь и благополучно достигли бухты Носи-бэ, гдѣ и соединились со всей боевой эскадрой адмирала Рожественскаго.

Всѣ большіе корабли стояли посрединѣ бухты, а якорное мѣсто миноносцамъ было отведено вдоль праваго берега бухты, и мы стояли всего въ 2—3-хъ кабельтовыхъ отъ берега, сплошь заросшаго тропическимъ лѣсомъ. Жаркій и сырой климатъ сильно изнурялъ личный составъ, особенно на миноносцахъ, къ которымъ невозможно было примѣнить тропическое расписаніе, введенное на 2-ой Тихоокеанской эскадрѣ. Тогда какъ почти все суда оставались на якоряхъ, миноносцы несли сторожевую службу вмѣстѣ съ однимъ легкимъ крейсеромъ у входа въ бухту, и, кромѣ того, несли очередную посыльную службу, включая и похороны часто умиравшихъ матросовъ. Послѣ каждаго даже короткаго похода мы должны были подходить къ транспортамъ для погрузки угля, что приходилось дѣлать подъ лучами тропическаго солнца. Наша команда не унывала, и мы часто слышали пѣсню команды съ припѣвомъ: — „Испытали на себѣ знойный климатъ Носи-бэ".

Для облегченія тропической сыпи офицеры и команда пользовались ежедневными короткими горячими ливнями для смытія угольной пыли и для запаса умывальной воды.

Провизію получали съ берега и потому питались не хуже большихъ судовъ, но гораздо хуже обстояло дѣло съ питьевой водой, т. к. ее трудно было остудить въ пористыхъ глиняныхъ сосудахъ, плохо исполняющихъ свое назначеніе.

Команду по очереди спускали на берегъ. Что касается офицеровъ, то они имѣли право съѣзда на берегъ въ свободное время съ 2-хъ до 6-ти часовъ вечера. Мы рѣдко пользовались этими съѣздами, т. к. полутуземное мѣстечко не представляло интереса, а прогулка въ лѣсу была сопряжена съ встрѣчей большихъ удавовъ и ядовитыхъ змѣй.

Мы изрѣдка навѣщали дружественные корабли, а главнымъ образомъ довольствовались своей собственной компаніей. Мы часто обсуждали тактическіе вопросы и, кромѣ того, слушали дуэтъ Паскина и Потемкина

на балалайкахъ, которые были прекрасные музыканты. Въ свободное время Паскинъ сочинялъ въ стихахъ шарады для развлеченія нашихъ соплавателей. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась шарада на „Громкій", которую я привожу цѣликомъ:

„Когда по небу въ колесницѣ
Катается Илья Пророкъ,
То изъ подъ каждой ея спицы,
Звучитъ нашъ первый громкій слогъ.
Второй нашъ слогъ, въ билліардъ играя
Ты часто имъ шары толкалъ,
Когда съ пріятелемъ играя
Шары ты точно въ лузы клалъ.
А все подъ гордымъ русскимъ флагомъ
Несется быстро по волнамъ,
Узлы свѣряя вѣрнымъ лагомъ
Отмстить коварнымъ всѣмъ врагамъ."

Ни Адмиралъ и никто изъ Штаба насъ не посѣщали, и мы были предоставлены самимъ себѣ для подготовки къ тяжелому переходу черезъ Индійскій океанъ. Мы только по слухамъ знали о флагманскомъ Инженеръ-Механикѣ эскадры, но никогда его не видѣли, а потому и не могли воспользоваться его долголѣтнимъ опытомъ.

Наконецъ, 3-го марта, вся 2-я Тихоокеанская эскадра получила приказъ двинуться на Востокъ. Эскадра в полномъ составѣ вышла изъ Носи-Бэ и взяла курсъ на Сѣверо-Востокъ.

Во время похода боевыя суда шли въ двѣ колонны, возглавляемыя флагманскими кораблями адмираловъ Рожественскаго и Фелькерзама. Между колоннами шли транспорта, а между ними и боевыми судами держались въ 2 колонны миноносцы на траверзахъ соотвѣтствующихъ броненосцевъ и крейсеровъ.

Наше мѣсто было у „Олега", и мы должны были держаться какъ можно ближе къ этому крейсеру, зорко слѣдя за его маневрированіемъ. Что касается легкихъ крейсеровъ, то часть ихъ шла впереди эскадры, а другая прикрывала концевыя суда.

Съ самаго начала похода адмиралъ Рожественскій занялся обученіемъ перестроенія ввѣренной ему эскадры и, главнымъ маневромъ, какъ то было замѣчено на нашемъ миноносцѣ, было перестроеніе 2-хъ колоннъ въ одну, когда всѣ боевыя суда вытягивались въ одну кильватерную колонну. Насколько мнѣ не измѣняетъ память, въ этомъ строю была произведена стрѣльба по щитамъ, буксируемымъ „Русью" и

„Метеоромъ". Во время этой стрѣльбы миноносцы должны были держаться у назначенныхъ для нихъ судовъ на траверзѣ у нестрѣляющаго борта. Эскадра пересѣкла экваторъ и рѣзко повернула на Востокъ по направленію къ Малаккскому проливу.

Вскорѣ была произведена первая погрузка угля на миноносцы въ открытомъ океанѣ, т. к. Адмиралъ желалъ, чтобы миноносцы имѣли все время полный запасъ топлива и прѣсной воды.

Странную картину представляла эта и другія погрузки запасовъ. Эскадра стояла съ застопоренными машинами и напоминала громадный плавучій городъ. Тяжелые корабли покачивались на крупной зыби, а между судами сновали паровые катера и шлюпки, развозя приказы и передавая новости и привѣты съ другихъ судовъ. „Громкій" принималъ уголь и запасы съ крейсера „Днѣпръ". Приходилось подходить къ этому большому тяжелому судну на океанской зыби и швартоваться къ борту. Вслѣдствіе неравенства періодовъ качки, миноносецъ сильно бился бортомъ, и привальный брусъ и кранцы не могли совершенно предохранить тонкіе листы корпуса, которые мѣстами получали вмятины въ мѣстахъ расчлененія привальныхъ брусьевъ. Къ счастью, листы корпуса были весьма высокаго качества и не давали трещинъ, почему течи не замѣчалось.

Наполненіе мѣшковъ съ запаснымъ углемъ, принайтовленныхъ по обѣимъ сторонам котельнаго кожуха, занимало слишкомъ много времени, а потому рѣшено было ихъ не трогать, а пополнять уголь, ссыпая его на палубу, и разгребать его въ ямахъ послѣ отхода миноносца отъ транспорта. Когда эскадра двинулась снова, съ флагманскаго корабля послѣдовалъ приказъ транспортамъ и буксирамъ взять миноносцы на буксиръ.

Никакихъ инструкцій, какъ подготовить миноносцы къ этой операціи, мы не получали, а потому и должны были принимать сами мѣры для предохраненія механизмовъ отъ порчи. Вначалѣ мы застопорили машины, а „Русь" подала двойной толстый стальной тросъ, который былъ заведенъ на оба стальныхъ кнехта на бакѣ. Сопротивленіе отъ гребныхъ винтовъ было настолько велико, что при первомъ движеніи буксира оба кнехта были вырваны изъ палубы.

Командующій эскадрой, наблюдавшій за буксировкой, приказалъ нашему миноносцу приблизиться къ „Суворову" и, не слушая никакихъ объясненій Керна, приказалъ обнести буксирующіе тросы кругомъ передняго мостика, какъ то было сдѣлано на всѣхъ другихъ миноносцахъ. Къ сожалѣнію, Адмиралъ вѣроятно не зналъ, что „Громкій" имѣлъ, въ отличіе отъ другихъ миноносцевъ, командные гальюны подъ крыльями

мостика, мѣшавшiе заводкѣ троса кругомъ этого мостика. Приказанiе Командующаго было исполнено, и при первомъ натяженiи буксира, тросы совершенно сплющили оба гальюна и пришлось снова останавливаться. Разсерженный Адмиралъ далъ ходъ эскадрѣ, а мы остались позади расхлебывать заваренную кашу. Пришлось наскоро выправить, насколько возможно, гальюны и обложить ихъ толстыми брусьями, а затѣмъ только обвести кругомъ мостика концы для буксировки. Мостикъ выдержалъ напряженiе, но „Русь" не была въ состоянiи насъ буксировать, и пришлось для облегченiя отдать машинные тормоза. Охлажденныя машины стали сильно грѣться при маломъ ходѣ отъ сопротивленiя винтовъ и пришлось воспользоваться паромъ котла, который долженъ былъ быть подъ парами для судовыхъ надобностей, для подержанiя температуры машины и для облегченiя буксировки.

Справившись съ этой задачей, мы съ „Русью" скоро догнали эскадру и заняли наше мѣсто.

Окончанiе слѣдуетъ.

Морской Департаментъ и Нацiональное Бюро Стандартовъ предложили новый, не-магнитный компасъ. Этотъ компасъ особенно необходимъ для полетовъ въ полярныхъ областяхъ во время сумерокъ, когда солнце и звѣзды не видны и когда звѣздный и солнечный компасы безполезны. Принципъ, на которомъ дѣйствiе этого компаса основано, аналогиченъ дѣйствiю „поляроидныхъ" очковъ. Компасъ указываетъ направленiе линiи перпендикулярной направленiю на солнце. Точность компаса около десяти градусовъ и можетъ быть доведена до одного градуса.

Сообщилъ А. Чернушевичъ

Е. Двойченко-Маркова

ШТУРМАНЪ ГЕРАСИМЪ ИЗМАЙЛОВЪ

„Колумбы Россіе, презрѣвъ угрюмый рокъ
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава..."

М. Ломоносовъ

О Герасимѣ Григорьевичѣ Измайловѣ, одномъ изъ искуснѣйшихъ штурмановъ въ водахъ Тихаго океана и участникѣ основанія первой русской колоніи на Аляскѣ, сохранились довольно скудныя свѣдѣнія въ русской исторической литературѣ. Со временемъ, когда изъ пыли забытыхъ сибирскихъ архивовъ будутъ извлечены новыя данныя о немъ, образъ его станетъ яснѣе, и повѣсть жизни его украситъ не одну русскую книгу для юношества. Но и сейчасъ уже, въ свѣтѣ немногихъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ, этотъ скромный русскій штурманъ занимаетъ не послѣднее мѣсто на страницахъ исторіи Сибири 18-го вѣка.

Невозможность, для насъ сейчасъ, полученія справки изъ Иркутской „Навигацкой" школы, которую, повидимому, окончилъ Измайловъ, не позволяетъ установить точной даты его рожденія и пребыванія его въ этой школѣ. Школа была открыта въ Иркутскѣ въ 1753 году, на основаніи представленія сибирскаго губернатора Мятлева о необходимомости изслѣдовать и описать рѣки: Ингоду, Аргунь и Амуръ. Кромѣ этого, по окончаніи курса, ученики школы поступали подштурманами на суда, плававшія въ Восточномъ Океанѣ и въ Охотскомъ морѣ.

Въ первомъ дошедшемъ до насъ свѣдѣніи о Измайловѣ онъ упоминается какъ „штурманскій ученикъ" съ судна „Св. Екатерина". Хотя это упоминаніе относится къ 1771 году, когда галіотъ „Св. Екатерина" стоялъ у береговъ Камчатки послѣ совершенныхъ на немъ двухъ от-

вѣтственныхъ правительственныхъ экспедицій къ берегамъ Америки и Алеутскимъ островамъ, можно предположить, что Измайловъ участвовалъ въ этихъ экспедиціяхъ.

Первая экспедиція, совершенная на „Св. Екатеринѣ" съ цѣлью описать сѣверо-западные берега Америки, состоялась въ 1764 - 1768 гг. подъ начальствомъ поручика И. Синда, бывшаго участника второй экспедиціи Беринга. Экспедиція Синда побывала на американскомъ берегу и открыла новый островъ, названный Синдомъ — островомъ „Св. Матвѣя", в сѣвероцентральной части Берингова моря, за 60-й параллелью.*)

По окончаніи экспедиціи, Синдъ передалъ судно „Св. Екатерина" капитану П. Креницину, совершившему, вмѣстѣ съ капитаномъ М. Левашевымъ, экспедицію къ Алеутскимъ островамъ и къ полуострову Аляска (въ 1768 - 1769 гг.). Экспедиція посѣтила западную часть Аляски, Лисья острова, Умнакъ, Уналашку (на которой открыла удобную гавань, назвавъ ее гаванью „Св. Павла"), произвела съемку и составила карту.

Когда, въ 1785 году, слѣдующая правительственная экспедиція отправлялась въ тѣ же мѣста, одна изъ данныхъ ей инструкцій гласила:

„Будучи на островѣ Унимакѣ, для любопытства посмотрите, находится ли еще близъ бывшихъ юртъ поставленный капитаномъ Креницынымъ деревянный крестъ и на ономъ же мѣдный. Въ томъ крестѣ, въ скважинѣ, поищите записки, имъ оставленной. Оная послужитъ вамъ нѣкоторымъ наставленіемъ объ островитянахъ".

Въ тѣхъ же инструкціяхъ содержится любопытное свѣдѣніе о штурманскихъ ученикахъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи Креницына:

„Въ Иркутскѣ вы можете по экзамену выбрать до пяти или шести лучшихъ учениковъ въ навигацкой тамошней школѣ и оныхъ взять подъ свое начальство для дѣланія подъ присмотромъ вашимъ во время походовъ примѣчаній и сниманій на карту. Коихъ и имѣть вамъ съ собой даже до окончанія вашей экспедиціи на томъ же основаніи, на какомъ и прочіе нижніе чины, взятые изъ Петер-

*) Впослѣдствіи, экспедиція Кука снова „открыла" этотъ островъ, назвавъ его „Горъ", въ честь участника экспедиціи капитана Гора, хотя открытіе Синда было имъ извѣстно, какъ мы это увидимъ далѣе.

бурга. Прежде посыланные съ г. капитаномъ флота Креницынымъ ученики получали по 54 рубля в годъ".*)

По окончанiи экспедицiи Креницына, три штурманскихъ ученика со „Св. Екатерины": Измайловъ, Бочаровъ и Зябликовъ находились въ Большерѣцкѣ, когда туда былъ сосланъ плѣнный польскiй конфедератъ Беньевскiй. Комендантомъ Большерѣцкой крѣпости былъ тогда капитанъ Григорiй Ниловъ, человѣкъ слабохарактерный и мягкiй, предоставлявшiй ссыльнымъ полную свободу общенiя съ населенiемъ Камчатки. Этимъ воспользовался Беньевскiй, организовавшiй, вмѣстѣ съ русскими политическими ссыльными, заговоръ, по которому предполагалось захватить одно изъ стоявшихъ у береговъ Камчатки казенныхъ судовъ и бѣжать на немъ въ „испанскiя владѣнiя", а оттуда въ Европу.

Заговорщикамъ удалось свести знакомство съ моряками одного изъ казенныхъ галiотовъ, который стоялъ въ Чекавинской гавани, вблизи Большерѣцка. Мятежники привлекли также на свою сторону часть казаковъ изъ гарнизона крѣпости, приказчика и работниковъ мѣстнаго купца Холодилова и даже нѣсколькихъ камчадаловъ.

Наканунѣ осуществленiя заговора, въ апрѣлѣ 1771 года, штурманскiе ученики Измайловъ и Зябликовъ случайно узнали о готовящемся нападенiи на крѣпость и пытались предупредить коменданта, но не могли къ нему достучаться. Во время возстанiя ссыльныхъ капитанъ Ниловъ былъ убитъ, бунтовщики связали и захватили въ плѣнъ всѣхъ сопротивлявшихся, овладѣли пушками и казенными припасами, погрузили ихъ на судно и вышли въ море. Среди захваченныхъ насильно людей были штурманскiе ученики: Измайловъ, Бочаровъ и Зябликовъ.

Достигнувъ Курильскихъ островов, бѣглецы пристали къ одному изъ нихъ, необитаемому, именуемому „Козой". Здѣсь Беньевскому донесли, что противъ него готовится заговоръ: во время его высадки на берегъ предполагалось „отрубить якорь" и вернуться на Камчатку. Во главѣ заговора были тѣ же штурманскiе ученики Измайловъ и Зябликовъ которые въ Большерѣцкѣ пытались предупредить бунтъ. Среди примкнувшихъ къ заговору были, тоже насильно увезенные, камчадалъ Паранчинъ съ женой. Беньевскiй сначала хотѣлъ убить зачинщиковъ, но потомъ раздумалъ, устроилъ что-то вродѣ суда надъ ними и, послѣ жестокаго наказанiя кошками, Измайловъ и чета Паранчиныхъ были

---

*) Г. А. Сарычевъ: „Путешествiе по сѣв.-вост. части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану", Москва, 1952, стр. 282 и 291.

брошены на произволъ судьбы на островѣ, а остальные изъявили готовность слѣдовать за Беньевскимъ безпрекословно.

По прибытіи бѣглецовъ въ Макао, Зябликовъ умеръ, а третій изъ штурманскихъ учениковъ со „Св. Екатерины", Бочаровъ, продолжалъ плаваніе съ Беньевскимъ отъ Макао — уже на французскихъ фрегатахъ, до самыхъ береговъ Франціи. Оставивъ своихъ спутниковъ въ Портъ-Луи, Беньевскій отправился въ Парижъ, гдѣ получилъ назначеніе организовать колонію на Мадагаскарѣ, съ разрѣшеніемъ взять съ собой всѣхъ своихъ спутниковъ. Только часть изъ вывезенныхъ имъ русскихъ согласилась раздѣлять до конца свою судьбу съ Беньевскимъ. Остальные рѣшили вернуться на родину, хотя бы снова въ ссылку! Изъ Портъ-Луи они отправились въ Парижъ къ русскому резиденту, сдѣлавъ пѣшкомъ около 550 верстъ, чтобы выхлопотать если не прощеніе, то хотя бы разрѣшеніе вернуться въ отечество. Среди нихъ былъ и товарищъ Измайлова, Бочаровъ.

Посылая Государынѣ просьбу о помилованіи, „возвращенцы" приложили къ ней свои дневники съ описаніемъ ихъ злоключеній съ Беньевскимъ, а также карту ихъ пути изъ Камчатки въ Макао. Среди дневниковъ этихъ былъ и дневникъ Бочарова.

Отвѣта не пришлось долго ждать. Прощая раскаявшихся „бунтовщиковъ", Императрица писала:

„Видно, что русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна".

Далѣе, Императрица разрѣшила блуднымъ сынамъ Россіи выбрать себѣ самимъ мѣстожительство въ любомъ изъ городовъ Имперіи, кромѣ двухъ столицъ, прибавивъ, что если бы кто-либо изъ нихъ желалъ:

„ѣхать паки на Камчатку, тѣмъ бы и лучше, ибо ихъ судьба была такова, что прочихъ удержитъ отъ подобныхъ предпріятій."

Бочаровъ избралъ себѣ мѣстожительство „въ Иркутскѣ на свободѣ" и былъ отправленъ туда въ октябрѣ 1772 года.

Въ томъ же октябрѣ, Иркутское губернское начальство донесло о новомъ слѣдствіи по дѣлу Беньевскаго.

Оказалось, что оставленные Беньевскимъ на необитаемомъ островѣ Измайловъ и Паранчинъ съ женой чудомъ избѣжали голодной смерти. Обходя островъ, они нашли у береговъ его судно русскихъ промышленниковъ, которое взяло съ собой сначала Паранчина съ женой, а затѣмъ пришло и за Измайловымъ. Будущему штурману пришлось пробыть на необитаемомъ островѣ, въ общей сложности, больше года, питаясь,

главнымъ образомъ, морскими ракушками, капустой и кореньями. Всѣхъ ихъ, въ октябрѣ 1772 года, доставили на слѣдствіе въ Иркутскъ.

Измайловъ и Паранчинъ показали, что они были взяты Беньевскимъ насильно ,,и много отъ него претерпѣли за желаніе возвратиться въ отечество". Доказательства ихъ словъ были налицо, и ихъ скоро освободили.*)

Такимъ образомъ, сошлись снова въ Иркутскѣ двое изъ штурманскихъ учениковъ съ судна ,,Св. Екатерина", Измайловъ и Бочаровъ, оба по разному пережившіе авантюру Беньевскаго, которымъ было что вспомнить и разсказать другъ другу.

Имъ и невдомекъ было тогда, что мудрое Провидѣніе, спасая ихъ отъ гибели и тюрьмы, готовило имъ иныя, необычайныя возможности для примѣненія своихъ талантовъ, знаній и опыта во славу любимаго отечества. Съ тѣхъ поръ и до самаго конца восемнадцатаго вѣка ихъ имена не сходятъ со славныхъ страницъ тихоокеанской русской исторіи.

Въ 1775 году, для составленія карты полуострова Камчатки, начальникъ края, генералъ-маіоръ М. Бемъ, распорядился съемкой, поручивъ это дѣло штурманскимъ ученикамъ ,,подъ наблюденіемъ старшаго изъ нихъ, Измайлова". Съемка начата была 27-го октября 1775 г. и окончена 25-го февраля 1776 года. Маршруты Измайлова были сохранены въ дѣлахъ Иркутскаго архива (Дѣло Гражданскаго губернатора, связка 21, № 121) и были тамъ найдены въ 1869 году однимъ изъ историковъ Камчатки, А. С. Сгибневымъ.**)

Сразу же послѣ окончанія этой отвѣтственной работы, Герасимъ Измайловъ получаетъ назначеніе командовать судномъ ,,Св. Павелъ", принадлежавшимъ ,,морскимъ компанейщикамъ", купцамъ Орѣхову, Лапину и Шилову. Судно шло ,,отъ порту Охотскаго въ открытое море въ вояжъ на извѣстные и неизвѣстные острова".***)

Владѣльцы судна ,,Св. Павелъ": тульскій оружейникъ Афанасій Орѣховъ, Иванъ Лапинъ и Василій Шиловъ нѣсколько разъ посылали свои корабли на Алеутскіе острова и были награждены отъ императрицы Екатерины медалями ,,за усердіе ихъ о взысканіи за Камчаткой

---

*) ,,Записка о бунтѣ, произведенномъ Беньевскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго". Русскій Архивъ, 1865, № 4, стр. 657-683.

**) ,,Морской Сборникъ", 1869, № 7, стр. 17.

***) В. Берхъ: ,,Хронологическая исторія открытія Алеутскихъ острововъ", С. Петербургъ, 1823, стр. 46.

новыхъ острововъ". Назначенный капитаномъ судна „съ двойнымъ окладомъ" Измайловъ получилъ инструкціи, кромѣ наблюденія за мѣховой торговлей, „по должности своей и знанію науки... съ лаской и привѣтствіемъ обращаясь съ дикими", узнать и записать ихъ обычаи и составить карту посѣщенныхъ имъ острововъ.

Хотя историкъ Алеутскихъ острововъ, Берхъ, замѣчаетъ, что о плаваніи этого судна, отправившагося въ море въ 1776 году, „нѣтъ никакихъ извѣстій", кромѣ того, что оно вернулось въ 1781 году съ цѣннымъ мѣховымъ грузомъ „на 172 тысячи рублей",*) свѣдѣнія, найденныя въ другихъ источникахъ, позволяютъ заключить, что именно это плаваніе Измайлова составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ его жизни.

Въ томъ же, 1776 году, когда скромный русскій штурманъ, Герасимъ Измайловъ, отправлялся въ Тихій океанъ для посѣщенія извѣстныхъ и открытія неизвѣстныхъ острововъ для русской державы — знаменитый англійскій мореплаватель, Джемсъ Кукъ, вышелъ въ свою третью экспедицію въ воды того же Тихаго океана. Предыдущія плаванія Кука въ южной части этого океана, главной цѣлью которыхъ было открытіе новыхъ земель и присоединеніе ихъ къ Британской Имперіи, создали ему славу, равную славѣ Колумба. На этотъ разъ Куку было предписано отправиться на сѣверъ Тихаго океана „для нахожденія сѣвернаго прохода изъ Тихаго океана въ Атлантическій", открытія новыхъ острововъ и описанія западнаго побережья Сѣверной Америки, т. е. онъ долженъ былъ сдѣлать то, что, задолго до него, было сдѣлано русскими. Что Кукъ прекрасно зналъ о русскихъ открытіяхъ въ Тихомъ океанѣ, показываетъ тотъ фактъ, что у него на рукахъ, во время его третьяго плаванія, находились рускія книги, описывавшія путешествія и открытія русскихъ мореходовъ въ этихъ водахъ.**)

Обладая этими подробнымш свѣдѣніями о сѣверной части Тихаго океана, Кукъ не очень туда торопился и задержался на островахъ, от-

*) Тамъ же, стр. 101.

**) Въ судовомъ журналѣ своего путешествія, Кукъ упоминаетъ сочиненія русскихъ академиковъ: Г. Миллера, „Описаніе морск. путешествій по Ледовитому и Вост. морю, съ Россійской стороны учиненныхъ" и Я. Штелина, „Краткое извѣстіе о новоизобрѣтенномъ сѣверномъ архипелагѣ" (Алеутскихъ острововъ). Первое было переведено на англ. языкъ въ 1761 и 1764 гг., а второе — въ 1774 году.

крытыхъ имъ въ южной части Тихаго океана во время предыдущихъ плаваній, а также на новооткрытыхъ имъ Гавайскихъ островахъ.

И только весной 1778 года, корабли Кука появились у береговъ Сѣверной Америки, недалеко отъ того мѣста, гдѣ въ 1741 роду побывалъ знаменитый русскій мореплаватель, Чириковъ. Пользуясь составленной Чириковымъ картой, экспедиція медленно продвигалась вдоль американскаго побережья Тихаго океана. Въ поискахъ удобной стоянки для кораблей, экспедиція Кука почти недѣлю шла къ сѣверу вдоль американскаго берега. Наконецъ показался узкій заливъ, въ которомъ Кукъ рѣшилъ остановиться и запастись водой и дровами. Вскорѣ изъ лѣса показались туземцы, ничуть не удивившіеся приходу корабля. У нихъ оказались ножи и металлическія украшенія, доказывавшія, что они уже имѣли общеніе съ бѣлыми. Чѣмъ дальше на сѣверъ продвигался Кукъ, тѣмъ больше онъ видѣлъ доказательствъ тому, что не онъ первый проникъ въ эти мѣста: при встрѣчѣ съ англичанами туземцы снимали мѣховыя шапки и низко имъ кланялись, нѣкоторые были одѣты въ голубыя рубашки и штаны, а у одного изъ нихъ оказался натѣльный крестъ. Въ іюнѣ, къ кораблю приблизилось нѣсколько лодокъ. Съ одной изъ нихъ на корабль былъ переданъ небольшой металлическій ящичекъ, въ немъ оказалось письмо, написанное незнакомымъ алфавитомъ. Кукъ догадался, что оно было написано по-русски, но никто на кораблѣ не могъ его разобрать. Однако Кукъ не хотѣлъ встрѣчаться съ русскими до посѣщенія Берингова пролива, который экспедиція достигла въ августѣ. На азіатскомъ берегу пролива туземцы стали яростно бросать камни въ сторону кораблей. Это было воинственное племя чукчей. Не желая кровопролитія, Кукъ рѣшилъ не высаживаться на берегъ. Дальнѣйшій путь на сѣверъ преграждали сплошныя ледяныя поля, доказывавшія, что „сѣверный проходъ", хотя и былъ найденъ русскими, но для англичанъ оказался непреодолимымъ. Рѣшивъ все же, что онъ еще разъ сюда вернется, Кукъ повернулъ обратно.

Въ октябрѣ корабли Кука достигли большого острова съ удобной гаванью. Навѣстившіе англичанъ туземцы принесли съ собой совсѣмъ необычный подарокъ — пирогъ съ начинкой изъ рыбы. Они жестами показывали, что на островѣ живутъ бѣлые люди и приглашали туда Кука. Кукъ съ аппетитомъ съѣлъ русскую кулебяку, но отъ приглашенія отказался, пославъ на островъ капрала Ледіарда съ отвѣтнымъ подаркомъ — бутылкой рома.

Ледіардъ, американецъ изъ штата Коннектикутъ, говорилъ на нѣсколькихъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ и умудрялся объясняться со всѣми дикарями на Тихомъ океанѣ. Онъ — первый изъ экспедиціи Кука встрѣ-

тился съ русскими на островѣ, который оказался Уналашкой, и привелъ съ собой на корабль Кука трехъ русскихъ мореходовъ. Хотя разговаривать съ ними пришлось главнымъ образомъ, жестами, все же Кукъ понялъ, что русскіе могутъ снабдить его цѣнными свѣдѣніями и что они вернутся снова и привезутъ своего начальника.

Начальникъ, Герасимъ Григорьевичъ Измайловъ, явился черезъ нѣсколько дней, въ сопровожденіи цѣлой свиты изъ русскихъ и туземцевъ, на двадцати байдаркахъ. Быстро воздвигнута была на берегу палатка для пріема иноземныхъ пришельцевъ, куда были приглашены Кукъ и его помощники. Угощеніе состояло изъ разныхъ рыбныхъ блюдъ и ягодъ. Въ дневникѣ своемъ Кукъ, при этомъ, отмѣчаетъ необыкновенную способность русскихъ приготовлять вкусныя блюда изъ однихъ и тѣхъ же продуктовъ.

Талантливый и опытный картографъ Измайловъ оказалъ неоцѣнимую услугу Куку, исправивъ ошибки на старыхъ картахъ и позволивъ скопировать составленную имъ новую карту Алеутскихъ острововъ. Въ своемъ дневникѣ Кукъ отмѣчаетъ, что Измайловъ:

„былъ хорошо знакомъ съ географіей этихъ мѣстъ и зналъ о всѣхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ русскими. Увидѣвъ мои карты, онъ сразу же указалъ на ихъ ошибки. Онъ далъ мнѣ понять, что сопровождалъ лейтенанта Синда въ его экспедиціи на сѣверъ... Но что показалось намъ особенно интереснымъ, это путешествіе Измайлова въ маѣ 1771 года на русскомъ кораблѣ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ и затѣмъ во Францію".*)

При помощи жестовъ, именъ, цифръ и географическихъ картъ, Измайловъ тщетно пытался разсказать о Беньевскомъ, о возвращеніи спутниковъ его на Камчатку изъ Франціи. Кукъ ошибочно понялъ, что онъ говоритъ о себѣ, а т. к. Измайловъ не зналъ ни слова по французски, то это казалось вымысломъ.**)

Имѣя въ виду то обстоятельство, что Беньевскій обѣщалъ вернуться на Камчатку съ иностранной эскадрой „съ непріязненной цѣлью", можно предположить, что Измайловъ нарочно завелъ съ Кукомъ раз-

---

*) Cook, F. „Voyage to the Pacific Ocean..." London, 1784, vol. 2 pp. 497-500.

**) Къ сожалѣнію та же ошибка вкралась въ русскую статью С. Маркова (Гр. Шелеховъ. „30 дней", 1940, № 9-10, стр. 108), гдѣ авторъ говоритъ, что Измайловъ „былъ насильно увезенъ съ Камчатки авантюристомъ Беньевскимъ, проплылъ три океана и вернулся въ Россію".

говоръ о Беньевскомъ, желая убѣдиться, что эти иностранцы никакого отношенія къ Беньевскому не имѣютъ. Измайловъ зналъ, что, послѣ побѣга Беньевскаго и его угрозъ вернуться, въ Петербургѣ не на шутку опасались за участь русскихъ колоній въ Тихомъ океанѣ, и начальнику Камчатки, Бему, было приказано привести Камчатку въ оборонительное положеніе на случай, какъ говорилось въ приказѣ, если бы Беньевскій,

„зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и жителяхъ ея свѣдѣнія, покусился сдѣлать на нее какія-либо поиски... А какъ извѣстно, что Камчатка ни съ какими чужестранными землями и на чужихъ земляхъ никакого торгу не производитъ, то неминуемо должно вамъ быть явнымъ доказательствомъ тайнаго и явнаго непріятельскаго покушенія всякаго чужестраннаго судна приближеніе".*)

На слѣдующій день Измайловъ и его помощники были приглашены на корабль Кука. Одинъ изъ офицеровъ эскадры, Джонъ Рикманъ, такъ описываетъ Измайлова:

„Это былъ молодой человѣкъ, изящный и стройный, съ бѣлокурыми волосами... Своими манерами и поведеніемъ онъ рѣзко отличался отъ своихъ спутниковъ... Сразу было видно его благородное происхожденіе".**)

А Кукъ добавляетъ:

„Измайловъ заслуживалъ бы гораздо лучшаго положенія, чѣмъ то, которое онъ имѣлъ. Я подарилъ ему октанъ Хадлея, котораго онъ раньше никогда не видѣлъ, и онъ съ нимъ сразу освоился".***)

Измайловъ провелъ два дня на англійскихъ корабляхъ, очень внимательно ихъ осматривалъ и уѣхалъ, всѣхъ очаровавъ. Простой русскій штурманъ, окончившій лишь „навигацкую школу", не знавшій ни одного иностраннаго языка, не уступилъ, какъ оказалось, англійскимъ морякамъ, ни знаніемъ своего дѣла, ни наружностью, ни манерами, и весь обликъ его никакъ не вязался съ представленіемъ о „сибирскомъ варварѣ", которое заранѣе поспѣшили себѣ составить участники экспедиции въ странѣ столь отдаленной отъ европейской цивилизаціи.

Большое впечатлѣніе произвело также на англичанъ обращеніе русскихъ съ туземцами и преданность послѣднихъ своему новому отечеству. Одинъ изъ участниковъ экспедиции Кука, Джорджъ Ванкуверъ,

---

*) Сгибневъ, А. С. „Бунтъ Беньевскаго" (Рус. Старина, 1876, томъ 15, стр. 764)

**) Rickman, F. „Voyage to the Pacific Osean", Dublin, 1781, p.292

***))Cook, F. op. cit., P. 507.

вернувшійся вскорѣ къ русскимъ берегамъ съ новой экспедиціей, пишетъ:

„Вѣроятно ни одинъ народъ на свѣтѣ, кромѣ русскаго, не сможетъ пользоваться въ этихъ краяхъ такими большими выгодами отъ прибыточной торговли... Иностранцамъ трудно будетъ добиваться такого же участія, какое принимаютъ туземцы въ благосостояніи Россіи. Источникомъ этого участія являются почтеніе и привязанность... Русскіе нашли дорогу къ ихъ сердцамъ и пріобрѣли отъ нихъ почтеніе и любовь".*)

На Уналашкѣ находилось, при небольшой рѣчкѣ, селеніе, названное „Доброе Согласіе" въ ознаменованіе пріязни между русскими и тамошними жителями. Видно было, что, получая инструкціи вродѣ тѣхъ, что были даны Измайлову въ отношеніи туземцевъ, русскіе мореходы ихъ исполняли въ точности. Кукъ, въ своемъ дневникѣ, удивляется „гармоніи", достигнутой между русскими и туземцами, и особенно свободѣ выбирать своихъ вождей, которая была дикарямъ оставлена. Онъ поражался честности и миролюбію, которымъ отличались туземцы тѣхъ острововъ, гдѣ побывали русскіе, отъ своихъ собратьевъ на другихъ островахъ.

При разставаніи съ экспедиціей Кука Измайловъ предложилъ переслать депешу Кука Британскому Адмиралтейству съ вѣрной оказіей на Камчатку, отуда она пошла почтой черезъ всю Сибирь и была благополучно получена въ Лондонѣ черезъ полтора года. Измайловъ позаботился также снабдить экспедицію своимъ личнымъ письмомъ къ начальнику Камчатки, на случай, если у англичанъ возникнутъ какія-нибудь недоразумѣнія по прибытіи къ ея берегамъ. Предусмотрительность Измайлова оказалась не лишней. Когда, весной 1779 года, англійская экспедиція подошла къ берегамъ Камчатки, тамъ произошла паника. Жители, помня угрозу Беньевскаго, бѣжали въ лѣсъ, и никто не хотѣлъ вѣрить, что иностранцы пришли съ добрымъ намѣреніемъ. Даже начальникъ Камчатки, Бемъ, несмотря на письмо Измайлова, увѣрявшаго, что суда эти не непріятельскія, потому что съ нимъ „и на пустынномъ островѣ обходились ласково", не сразу успокоился, пока лично не убѣдился, что экспедиція пришла въ Тихій океанъ „съ научной цѣлью".

Дальнѣйшій жизненный путь Герасима Измайлова тѣсно связанъ съ дѣятельностью знаменитаго русскаго промышленника Григорія Шелехова. Когда, въ 1783 году, Шелеховъ отправился къ берегамъ Америки, чтобы основать тамъ первое русское поселеніе, штурманомъ ко-

*) Vancouver, G. „A voyage of discovery", London, 1798, v. 3, p. 199.

рабля „Три Святителя", на которомъ былъ самъ Шелеховъ, былъ назначенъ Измайловъ. Въ Вашингтонѣ, среди бумагъ Русско-Американской Компаніи, сохранился оригиналъ журнала, который велъ, во время этого плаванія, Измайловъ.

По окончаніи этого плаванія въ 1786 году, Измайловымъ была составлена новая карта Алеутскихъ острововъ и Американскаго побережья.

Пока экспедиція Шелехова основывала первое русское поселеніе на берегахъ Америки, въ русскихъ водахъ Тихаго океана появились, вслѣдъ за Кукомъ, англійскіе торговые корабли, владѣльцы которыхъ, узнавъ о добычѣ русскими цѣнныхъ мѣховъ, спѣшили заняться этимъ выгоднымъ промысломъ. Въ 1785 году первый англійскій корабль „Морской Бобръ", подъ командой Джемса Ханна пришелъ въ Нутку изъ Макао на бобровый промыселъ, а въ 1786 году британскій мореходъ Мирсъ забрелъ въ Кенайскій проливъ между Кадьякомъ и Аляской, думая, что попалъ въ невѣдомый заливъ. Русскіе помогли ему выбраться изъ пролива, но это не помѣшало Мирсу заявить, что онъ „открылъ" Кенайскій проливъ. Въ этомъ же году, въ Петропавловскую гавань пришелъ корабль англійскаго купца Вильма Питерса, съ которымъ Шелеховъ заключилъ первую на этихъ широтахъ сдѣлку. Отъ Питерса Шелеховъ узналъ, что пять англійскихъ кораблей отправлено къ берегамъ Аляски, а газеты сообщали, что французскій мореплаватель Лаперузъ выходитъ въ плаваніе вокругъ свѣта, и его корабли зайдутъ на Камчатку. Этотъ внезапный наплывъ иностранныхъ кораблей въ русскія воды Тихаго океана, подрывавшій русскую мѣховую торговлю, заставилъ Шелехова обратиться къ губернатору Восточной Сибири, генералу Якобію, съ жалобой на то,

> что „Россійскаго Престола подданнымъ принадлежащія великія выгоды, присвоить стараются другихъ націй народы, не имѣя ни смежности въ землѣ и ни малѣйшаго права на сіе море".*)

Донося о жалобахъ Шелехова Императрицѣ, Якобій прибавлялъ,

> „непремѣнно нужно оградить принадлежащіе намъ берега Америки военными судами и не допускать иностранцевъ подрывать нашу мѣховую торговлю".**)

Вслѣдствіе представленія Якобія, Императрица Екатерина повелѣла приготовить пять военныхъ судовъ, которыя подъ начальствомъ капитана Муловскаго должны были отправиться въ первую русскую

---

*) В. Берхъ, Указ. соч., стр. 158.

**) Тамъ же.

кругосвѣтную экспедицію. Къ сожалѣнію, война съ Швеціей, во время которой Муловскій былъ убитъ, заставила отложить этотъ проектъ.

Лѣтомъ 1788 года судьба снова свела вмѣстѣ старыхъ товарищей, Измайлова и Бочарова. На основаніи предложенія Якобія, Шелеховъ отправилъ корабль „Три Святителя", подъ командой этихъ искуснѣйшихъ штурмановъ, въ Тихій океанъ, для поисковъ и открытія новыхъ островов, приведенія подъ власть Россійской Имперіи разныхъ островныхъ народовъ и для утвержденія „новоизобрѣтенной" американской земли „знаками величеству и названію россійскому свойственными". Эти знаки — мѣдныя доски и гербы, которые Измайловъ и Бочаровъ должны были выставить на соотвѣтствующихъ мѣстахъ открытыхъ вновь земель.*)

Измайловъ и Бочаровъ „съ похвалою" выполнили возложенное на нихъ порученіе и составили карту описанныхъ ими береговъ Америки. Подробный отчетъ о ихъ плаваніи и продѣланной ими работѣ былъ напечатанъ въ 1792 году, какъ вторая часть „Журнала" Шелехова.

Имя штурмана Измайлова часто встрѣчается среди бумагъ компаніи Голикова - Шелехова, будущей Россійско-Американской. Въ 1790 году, Измайловъ былъ на островѣ Кадіакъ, когда его посѣтила новая русская экспедиція подъ командой капитана Биллингса, и ему было поручено позаботиться о нарядѣ островитянъ для работъ экспедиціи.

Одна изъ бумагъ 1795 года упоминаетъ планы, полученные изъ Америки отъ штурмана Измайлова. И этимъ, пока, ограничиваются свѣдѣнія о жизни и работѣ этого замѣчательнаго русскаго штурмана.

Въ заключеніе, необходимо замѣтить, что картографическія работы Измайлова и ему подобныхъ штурмановъ не пропали даромъ и были оцѣнены при ихъ жизни не только Кукомъ. Во время экспедиціи Биллингса (бывшаго участника экспедиціи Кука, перешедшаго на русскую службу) онъ, по словамъ его помощника, капитана Сарычева:

„... располагая путь свой по англійской картѣ, сочиненной во время путешествія капитана Кука, назначилъ оный гораздо сѣвернѣе Мѣднаго острова. Но какъ по россійской картѣ тотъ же путь велъ насъ прямо въ середину острова, того ради и предложилъ я о семъ капитану Биллингсу. Однако, онъ столько не довѣрялъ россійскимъ картамъ, что едва могъ я убѣдить его перемѣнить предпринятый имъ путь на два румба къ сѣверу. И симъ самымъ избавились мы предстоявшей намъ опасности, ибо на другой день поутру въ 4 часа, когда туманъ нѣсколько прочистился, увидѣли мы, что про-

---

*) А. И. Андреевъ, „Русскія открытія въ Тихомъ Океанѣ", Москва, 1948, стр. 15 - 16.

шли мимо Мѣднаго острова въ разстояніи не болѣе 200 сажень, и каменья подводные были видны за кормой судна. Тогда всѣ удостовѣрились, что на англійской картѣ сей островъ положенъ гораздо южнѣе настоящаго". *)

Примѣру Измайлова, указавшаго Куку на его ошибки въ картахъ, слѣдовали и другіе русскіе мореходы и промышленники. Къ ихъ помощи не разъ прибѣгалъ Ванкуверъ во время своей экспедиціи, причем, по примѣру Кука, разсказалъ объ этомъ въ описаніи своего путешествія. Когда книга Ванкувера появилась въ печати, главное управленіе только что образовавшейся Россійско-Американской Компаніи обратило вниманіе на тѣ страницы, гдѣ описывались различныя услуги, оказанныя англійской экспедиціи русскими мореходами. Управленіе поспѣшило извѣстить объ этомъ главнаго правителя русскихъ владѣній въ Америкѣ, Баранова, которому была послана секретная инструкція, содержащая слѣдующее предписаніе

„Замѣчая изъ III-го тома ванкуверовскихъ путешествій, что нѣкоторые изъ промышленныхъ Вашихъ дали англичанамъ карты Вашихъ плаваній, Главное Правленіе долгомъ поставляетъ поставить Вамъ сіе на видъ, и что въ разсужденіи людей, не только должно Вамъ быть разборчиву въ довѣренности, но и удалять всѣ способы къ таковымъ не позволеннымъ и вреднымъ для отечества послугамъ".

*) Г. А. Сарычевъ, Указ. соч., стр. 170.

П. А. Свѣтликъ

ТѢНИ ПРОШЛАГО...

Окончаніе.

ПОРТЪ АРТУРЪ

Наконецъ, въ іюнѣ, мы пришли въ Портъ Артуръ. Началась чистки и приготовленія къ смотрамъ. Но на „Побѣдѣ" и матеріальная часть и личный составъ настолько были въ порядкѣ, что все это было только скучно. Одинъ разъ только поволновались — передъ смотромъ Намѣстника, адмирала Алексѣева. Но и эти волненія были совершенно напрасны. Онъ пріѣхалъ сильно опоздавъ, очень важно и какъ будто скучая. Почти ничего не осматривалъ, поговорилъ съ командиромъ, поблагодаридъ всѣхъ за отличное состояніе корабля и уѣхалъ. Все сошло прекрасно, но почему-то онъ никому не понравился. Слишкомъ недоступнымъ онъ былъ по виду, гораздо болѣе важный, чѣмъ самъ Царь, сдѣлавшій его своимъ намѣстникомъ. Онъ такъ и остался для насъ чужимъ, какъ и мы для него.

По этому поводу я вспоминаю, какъ близко видѣлъ я Государя и какую симпатію онъ вызывалъ у всѣхъ. Напримѣръ, еще въ Корпусѣ. Я былъ назначенъ въ почетный караулъ для церемоніи полученія новаго знамени къ двухсотлѣтію корпуса. Когда мы во дворцѣ выстроились, въ залѣ было уже все приготовлено — огромное полотнище новаго знамени и древко отдѣльно на подставкѣ. На столикѣ, на серебряномъ подносѣ — молотокъ и гвоздики съ золотыми шляпками. Вотъ появляется скороходъ, распахивая двери. Входятъ: Государь подъ руку со своей матерью, Государыня подъ руку съ Алексѣемъ Александровичемъ и свита. Государь здоровается и обходитъ насъ, коротко задавая вопросы: кто отецъ, когда поступилъ въ Корпусъ и т. п. Потомъ начинается прибивка полотнища къ древку. Сначала Государь старательно вбиваетъ свой гвоздь, потомъ обѣ Государыни, потомъ Алексѣй Александровичъ. Затѣмъ наше начальство. Когда всѣ гвозди вбиты. Государь подзываетъ насъ по очереди и, указывая на плохо вбитые, велитъ поправить. — Вотъ

этотъ гвоздь Императрица не съумѣла хорошо вбить, поправьте какъ слѣдуетъ, — говоритъ онъ Бутакову, котораго лично знаетъ. И никого не обойдетъ, каждому что-то скажетъ какъ-то по-отечески мягко. А Императрица стоитъ рядомъ и смотритъ на каждаго своими замѣчательными глазами, ея красота вызывала поклоненіе просто по-человѣчески у всѣхъ. А красота мягкихъ глазъ Царя дѣйствовала обаятельно не только на насъ, подданныхъ, я слышалъ это отъ чужихъ. Высшая власть — это таинство и не каждому это дается.

Итакъ, послѣ смотра Намѣстника мы были свободны и начали осматривать Портъ Артуръ. Этотъ городъ оказался довольно старымъ, неряшливымъ и плохо устроеннымъ. А Новый городъ только что началъ строиться. Совсѣмъ готовыми тамъ были нѣсколько большихъ жилыхъ домовъ и „шикарный" ресторанъ „Звѣздочка", въ которомъ было очень легко прокучивать свое жалованіе. Въ старомъ городѣ были хорошіе магазины и тоже кабачки, хотя и болѣе низкаго пошиба. Словомъ, житейская и увеселительная части были прочно и хорошо поставлены, а вотъ что касается крѣпости, то дѣло было хуже.

Незадолго до нашего прихода Артуръ посѣтилъ генералъ Куропаткинъ и инспектировалъ крѣпость. И онъ вывелъ заключеніе, что крѣпость неприступна, съ тѣмъ и уѣхалъ. А на насъ, многихъ, Портъ Артуръ произвелъ впечатлѣніе какой-то западни. Дѣйствительно, кругомъ города слабо и незаконченно укрѣпленныя горы, а въ море во время отлива выйти нельзя. Поэтому мое мичманское сердце и тогда уже чуяло, что пока не проломимъ каменный кряжъ дна въ проходѣ, здѣсь стоять могутъ только миноносцы. Но не мичману же сомнѣваться въ генералѣ Куропаткинѣ и Генеральномъ Штабѣ! Поэтому я объ этомъ много не думалъ и уже началъ скучать, какъ вдругъ мы узнали, что скоро уходимъ во Владивостокъ. Это было очень пріятно, и въ каютъ-компаніи уже поговаривали, что въ Петербургѣ за насъ думаютъ, и не плохо, т. к. ходъ переговоровъ съ Японіей въ такомъ положеніи, что надо быть готовымъ ко всему. Эти разговоры о нашемъ походѣ были свободными и громкими, а, слѣдовательно, всѣмъ извѣстными, особенно нашимъ прачкамъ китайцамъ и японцамъ, которымъ не только приказывалось доставить бѣлье къ такому-то сроку, но и разсказывалась вѣстовыми причина такого распоряженія. Только потомъ мы узнали, какъ легко было японскому штабу слѣдить за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Сейчасъ я уже не помню ни времени похода, ни состава отряда — ходила не вся эскадра. Во Владивостокѣ мы застали крейсера: „Россія", „Громобой", „Рюрикъ", „Богатырь", „Варягъ". На „Богатырѣ"

я встрѣтилъ своего друга А. Бутакова, а на „Варягѣ" А. Нирода. И мы все время проводили вмѣстѣ, обмѣниваясь впечатлѣніями, и не знали, что послѣ Владивостока мы уже никогда не увидимся. Бутаковъ вернулся въ Россію позже меня, а Нirodъ былъ убитъ на „Варягѣ" первымъ, и значитъ первымъ въ японскую войну.

Но очень скоро у меня, кромѣ дружескихъ свиданій, оказалось еще болѣе непреодолимое влеченіе. Дѣло въ томъ, что во Владивостокѣ былъ драматическій театръ съ обыкновенной драматической труппой. На первое посѣщеніе этого театра мы, всѣ трое, рѣшились только отъ „некуда дѣться". Но когда я увидѣлъ въ какой-то пьесѣ молодую актрису, игравшую совсѣмъ въ духѣ Комиссаржевской, я заинтересовался и на слѣдующій день опять пошелъ въ театръ. Послѣ этого я уже не пропускалъ ни одного спектакля и всѣмъ на кораблѣ „прожужжалъ уши" именемъ этой артистки. Помню, что съ меня тогда соскочила вся моя „военщина" и я разливался о моей актрисѣ такъ, что меня начали дразнить и „травить", такъ что я однажды, разгорячась, за столомъ предложилъ:

— Я держу пари на шампанское для всѣхъ, что послѣ получасовой бесѣды съ нею всѣ вы будете цѣловать ручки ея, если, конечно, она это позволитъ. — Всѣ захохотали.

— Наказать мичмана, господа! Согласиться на пари! Пусть помнитъ!

— Но когда же мы увидимъ ее и гдѣ? — спросилъ больше всѣхъ хохотавшій Магнусъ.

— Не знаю, какъ это устроить... Она ни за что не согласится поѣхать въ ресторанъ... мы уже ее приглашали... — отвѣтилъ я.

— Господа, пригласимте ее въ каютъ-компанію! — сказалъ кто-то изъ старшихъ. И всѣ посмотрѣли на Старшаго офицера.

— Дѣло! Разрѣшаете? — обратились къ Реммерту.

— Ну, какъ еще на это посмотритъ „нашъ"? Онъ-то по части... легкомыслія кремень, — отвѣтилъ Реммертъ.

„Нашъ" — это командиръ, и мы знали, что онъ въ такихъ дѣлахъ очень строгъ. — Какъ дескать на его великолѣпный, военный корабль приглашать актрисъ!.. Не подходитъ!! — Онъ былъ таковъ, Василій Максимовичъ Зацаренный.

— Да-а-а, актриса это тебѣ не археологическая штучка! отнюдь!.. — прохрипѣлъ Старшій механикъ.

Послѣ долгихъ споровъ и смѣха упросили Реммерта пойти къ командиру, спросить. Черезъ полчаса онъ вернулся, смѣясь.

— Даже растерялся нашъ капитанъ. „Ну, зачѣмъ это вы?.. что такое?" Мое положеніе, а!? О пари сказать нельзя, а другая причина мнѣ въ голову не приходитъ. Я и сказалъ — мичманъ С. проситъ, каютъ-компанія поддерживаетъ.

— Вѣтеръ въ головѣ у него... вѣтеръ!!.. Я, знаете ли..." и пошелъ про какой-то случай говорить. А потомъ — дѣлайте, какъ хотите, но я, къ сожалѣнію, долженъ уѣхать завтра. Командиръ Порта просилъ. — Такъ что завтра къ шести часамъ можете привести свою богиню!

Я немедленно помчался на берегъ и такъ поставилъ дѣло тамъ, что труппа ее отпустила, но непремѣнно въ сопровожденіи кого-нибудь изъ старшихъ актрисъ. На слѣдующій день мнѣ былъ данъ катеръ „съ уборами", и я привезъ свою очаровательницу вмѣстѣ съ другой пожилой актрисой. Моя артистка была просто, но очень къ лицу одѣта и производила впечатлѣніе обыкновенной барышни изъ общества, а другая — ея компаньонки. Я былъ очень доволенъ и, когда представилъ ее Реммерту съ группой встрѣчавшихъ офицеровъ, замѣтилъ, что она не только не смущена, а скорѣе нѣсколько иронически настроена. А вотъ компаньонка смутилась и молчала на всѣ предложенія: осмотрѣть корабль, спуститься внизъ и т. д.

— Какъ у васъ здѣсь красиво и... немного страшно — сказала моя актриса и когда, въ сопровожденіи насъ всѣхъ, обходила корабль, была очень внимательна ко всему и уже безъ всякой ироніи молчалива. Она вообще была очень выразительно хороша собой и, конечно, это знала.

— Вѣрно ей много приходилось отбиваться отъ поклоненій, думалъ я, не спуская съ нея глазъ

Потомъ, когда спустились въ каютъ-компанію и она здоровалась стояла, приглашенная Старшимъ офицеромъ рядомъ съ нимъ у стола съ ожидавшими тамъ офицерами, уже собравшимися къ ужину, когда и слушала молитву іеромонаха, послѣ чего не широко, но отчетливо перекрестилась и сѣла на свое мѣсто, я видѣлъ какъ всѣ, не только я, были удивлены и рады ея спокойной, красивой манерѣ держать себя. Она не играла — это была манера изъ прошлаго, подтверждающая слухъ, что она бѣжала изъ очень хорошей семьи по страсти къ театру.

Ужинъ прошелъ очень весело и интересно, даже старшій механикъ разошелся и весело хрипѣлъ какіе-то комплименты своей сосѣдкѣ — компаньонкѣ. Послѣ ужина, уже въ гостиной за кофе, кто-то спросилъ, доставляетъ ли ей самой радость игра. И вотъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но эту реплику я до сихъ поръ помню почти дословно.

— Если удается, то нельзя и разсказать, какъ радостно. Вѣдь мы должны показать вамъ внутренняго человѣка, а это всегда трагедія... Помните прощаніе Анны Карениной съ Вронскимъ въ швейцарской дома княгини Бетси... И она как-то сосредоточилась, перемѣнила свое лицо, сдѣлалась прекрасной и, какъ бы освѣщаемая внутреннимъ свѣтомъ, сказала нѣсколько словъ этого мѣста романа. Это была поразительная сила подлиннаго искусства. Помню даже притихли всѣ. Послѣ она намъ еще что-то сказала, но, вдругъ перемѣнившись, съ легкой ироніей, продекламировала извѣстное „Цвѣты послѣдніе" Пушкина. И стала прощаться. И какъ ни уговаривали ее, она спокойно отказалась, благодаря за вечеръ. Тогда спрашивавшій, не помню кто, взялъ ея руку и сказалъ:

— Разрѣшите поцѣловать Вашу руку?

— Зачѣмъ это?

— У насъ такой обычай!

— Странный обычай...

Но не протестовала. Затѣмъ, провожаемая всѣми, сѣла въ катеръ.

— Скажите, какъ Вамъ понравились мои товарищи? — спросилъ я на катерѣ.

— Вы всѣ... очень... свѣтскіе люди. Но и вообще вѣдь моряки очень хорошіе люди.

Это былъ мой тріумфъ. Но разсказалъ я это отчасти для того, чтобы показать, какъ легко сходила съ меня военщина — вѣдь я тогда готовъ былъ на все, до ухода со службы включительно, чтобы продолжать видѣть ее... Такъ пораженъ я былъ ея искусствомъ.

Неожиданный уходъ нашъ въ Портъ Артуръ рѣшилъ все это, и я даже лица ея теперь не помню, только нѣкоторыя реплики.

Въ Портъ Артурѣ меня охватила скука. Городъ былъ совсѣмъ не интересенъ. „Звѣздочка" слишкомъ быстро выкачивала деньги, другихъ развлеченій не было. Я помню, что въ это время изъ Артура уходилъ „Разбойникъ" въ свое обычное плаваніе, заходя во всѣ „дыры" Тихоокеанскаго архипелага. Это было такое заманчивое плаваніе, что я началъ хлопотать о назначеніи на „Разбойникъ", но куда тамъ! Тамъ были уже очередные, особо устроенные, и мнѣ обѣщали это назначеніе только въ слѣдующее плаваніе. Въ это же время нашего Н. Н. Азарьева перевели флагманскимъ штурманомъ. Я бросился къ нему, умоляя дать мнѣ какое-нибудь плаваніе. Тогда черезъ нѣкоторое время меня назначили на канонерку „Гилякъ", уходящую въ Корею станціонеромъ. Я сначала очень обрадовался хоть какому-нибудь плаванію, но потомъ очень жа-

лѣлъ, т. к. перемѣнилъ отличный боевой корабль на скучный и почти не нужный.

Мы пришли въ Чемульпо и стали очень далеко отъ берега въ почти пустой огромной гавани. Въ Чемульпо ѣздить не стоило — достаточно было одинъ разъ посмотрѣть. Это дѣйствительно была страна „Утренняго Спокойствія" — какъ называлась Корея. Только это „Утро" было очень туманнымъ и дождливымъ, и скоро и очень холоднымъ — мы были тамъ въ декабрѣ и январѣ. Изъ всего личнаго состава „Гиляка" помню только командира, кап. 1 р. Алексѣева, Старш. офицера кап. 2 р. Ф. А. Винтера, лейт. Нордмана и мичм. барона Фитингофа. Послѣ „Побѣды" мнѣ на „Гилякѣ" было какъ-то „не по себѣ". Даже самый корабль со своей башнеобразной мачтой мнѣ не нравился. Башня „парусила", мѣшала рулю, такъ что разъ при входѣ въ гавань при свѣжемъ противномъ вѣтрѣ намъ пришлось итти кормой заднимъ ходомъ. А въ каютъ-компаніи была всегда скука и мы непрерывно все играли въ трикъ-тракъ, съ азартомъ.

Въ скукѣ бездѣлья и трикъ-трака вдругъ мы получаемъ приказъ возвращаться въ Портъ Артуръ. Смѣняетъ насъ „Кореецъ". Скоро приходитъ „Варягъ". Наши приготовленія къ уходу были такъ поспѣшны, что я даже не успѣлъ поѣхать на „Варягъ" повидать своего друга А. Нирода, который даже не зналъ, что я на „Гилякѣ"... Не суждено, значитъ, намъ было видѣться. Онъ былъ убитъ на „Варягѣ". Не помню, когда мы ушли, но подходили къ Артуру уже въ темнотѣ съ отличительными огнями. Къ сожалѣнію, не помню, на какомъ разстояніи отъ Артура мы наткнулись на первый миноносецъ сторожевого охраненія, бывшій безъ огней. Насъ опросили ратьеромъ позывныя — отвѣтили тоже ратьеромъ. Очень скоро наткнулись на другой и, послѣ позывныхъ получили приказаніе стать подъ Золотую гору и потушить огни. Опять очень скоро прошли двѣ темныя массы большихъ кораблей, подошли къ берегу и отдали якорь. Короткая якорная приборка, убрали огни и начали вахту, но на верхней палубѣ долго еще оставались офицеры и матросы, всматриваясь въ тьму въ нервно напряженномъ состояніи. И вотъ, не помню, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы встали на якорь, можетъ быть два - три часа, какъ всѣ, кто былъ на палубѣ услышали шумъ прошедшей подъ килемъ мины и крикнули: „мина!" Но уже началась атака. Этотъ моментъ начала отбитія атаки я отлично помню. Почти одновременно съ прохожденіемъ у насъ подъ килемъ мины, эскадра открыла боевое освѣщеніе. Часть прожекторовъ искала и медленно двигала лучами, а часть уже освѣтила атакующихъ и начался бѣшеный огонь. На секунду мы увидѣли кѣмъ-то ярко освѣ-

щенный „Ретвизанъ", начавшій крениться, и много людей у борта, заводившихъ пластырь. Но прожекторный лучъ соскользнулъ, и виденъ былъ тамъ частый огонь съ обоихъ бортовъ по освѣщеннымъ миноносцамъ. Въ ревѣ канонады не было слышно взрывовъ, но мы видѣли ясно миноносецъ съ поднятой почти вертикально кормой.

Атака не была продолжительной. Временами возобновлялась стрѣба по попавшимъ въ лучъ прожекторовъ предметамъ, вродѣ шлюпокъ. Скоро и эта стрѣльба прекратилась. Но на эскадрѣ не стихло. Началось втягиваніе поврежденныхъ кораблей, „Ретвизана" и „Цесаревича", въ гавань, а послѣ нихъ и всей эскадры. И надо было сдѣлать это скорѣй, до отлива. Начала дѣйствовать ловушка Портъ Артура. Однако, корабли были введены, хотя и съ очень большими трудностями. У „Ретвизана" пробоина была такъ велика, что съ пластыремъ онъ долго держаться не могъ и чтобы не затонуть, ему пришлось приткнуться къ берегу уже въ проходѣ, чтобы справиться съ положеніемъ. И я ясно помню до сихъ поръ, какъ мое мичманское самолюбіе и гордость были вполнѣ удовлетворены дѣйствіемъ экипажей поврежденныхъ кораблей.

Офицеры и команды этихъ кораблей, какъ и на моей „Побѣдѣ", были не таковы, чтобы растеряться или не умѣть дѣйствовать. Спасеніе этихъ кораблей показало, каковъ былъ личный составъ у насъ на флотѣ. И это впечатлѣніе меня, мичмана, успокаивало и заставляло не слишкомъ думать о томъ, что произошло. И этого впечатлѣнія я никогда не забуду, т. к. изъ него вытекло и спокойное принятіе и всего дальнѣйшаго.

Война началась несчастьемъ — не пораженіемъ, не неудачей, а именно — несчастьемъ. Я теперь говорю только о тогдашнемъ моемъ пониманіи обстановки, пониманіи, которое у насъ было общимъ. Пораженія не было, потому что атака была отбита быстро и энергично. Неудачи тоже не было, потому что удалось спасти почти тонувшіе корабли, благодаря великолѣпнымъ дѣйствіямъ личнаго состава. Случилось несчастье и, именно, благодаря нелѣпымъ распоряженіямъ высшей власти, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Портъ Артурѣ. Мы все узнали на слѣдующій день. Оказывается, по полученіи совершенно достовѣрныхъ свѣдѣній о предстоящемъ нападеніи японцевъ безъ объявленія войны, эскадра должна была перейти въ Дальній и съ вечера прошла входной проливчикъ, т. к. утромъ начинался отливъ. Зачѣмъ былъ предпринятъ такой экстренный переходъ въ Дальній? Командованіе эскадрой желало имѣть свободу дѣйствій на морѣ и не зависѣть отъ приливовъ и отливовъ.

Что это означало?

Это означало то, что флотъ вовсе не предполагалъ съ началомъ войны оставаться пассивнымъ и для этого, т. е. для активныхъ дѣйствій, предпочелъ перейти въ другую гавань, хотя и гораздо менѣе обезпеченную портовыми средствами, но зато не запираемую отливами на полсутокъ.

Но, увы, изъ Петербурга было получено распоряженіе не предпринимать ничего похожаго на подготовку къ войнѣ, т. к. это можетъ повредить начавшемуся повороту переговоровъ къ благопріятному окончанію. Это приказаніе было понято Намѣстникомъ не условно, а буквально, и онъ запретилъ всѣ явныя мѣры безопасности эскадры на рейдѣ, то-есть запретилъ свѣтить прожекторами и ставить противоминныя бортовыя сѣти.

Самая диспозиція эскадры была дана для самаго мирнаго времени, т. к. сторожевое охраненіе двумя миноносцами, на близкомъ разстояніи, совсѣмъ теряло свое значеніе. Даже замѣтивъ прорвавшагося непріятеля, нельзя было его освѣтить прожекторомъ, не рискуя освѣтить свои корабли. И мы не видѣли лучей прожекторовъ въ районѣ сторожевого охраненія, хотя это я говорю только о себѣ и другихъ на „Гилякѣ", съ которыми я дѣлился впечатлѣніями.

— 0 —

Такъ началась война. На другой день утромъ на горизонтѣ появилась вся японская эскадра, чтобы провѣрить результатъ ночной атаки, но уже ничего не увидѣла и, выпустивъ по Золотой горѣ нѣсколько снарядовъ, ушла. Днемъ мы узнали о гибели „Варяга" и „Корейца" и этимъ уже вполнѣ окунулись въ атмосферу тяжелой войны.

Даже не морякъ - читатель понимаетъ, что большимъ кораблямъ, взорваннымъ минами и получившимъ очень большія пробоины и вмятины подъ водой у киля, нужны для починки доки, хорошія мастерскія и необходимые матеріалы. Въ Портъ Артурѣ этого не было, и непріятель могъ считать подорванные корабли совершенно выведенными изъ строя. Но, къ чести личнаго состава нашего Флота, это не приходило въ голову даже намъ, мичманамъ. Думали лишь о томъ, какъ поскорѣе починить корабли. Думали, разсчитывали, пробовали, проектировали и, наконецъ, начали чинить. Какъ? Кессонами, т. е. попросту ящиками, пригнанными къ борту такъ, чтобы можно было изъ нихъ выкачивать воду и, такимъ образомъ прилѣпивъ, начать задѣлывать пробоину. Если принять во вниманіе огромные размѣры такого кессона, то эту работу надо считать безпримѣрной. И, однако, починка кораблей у насъ была окончена къ лѣту, къ тому времени, когда высадив-

шіяся японскія войска, захвативъ Дальній, прошли только полпути на Артурскомъ направленіи.

Есть много написанныхъ работъ о Портъ Артурѣ и почти во всѣхъ можно прочитать о паденіи духа во флотѣ послѣ „вѣроломной" атаки и подрыва главныхъ кораблей эскадры. И я былъ бы обязанъ говоря вообще о своихъ впечатлѣніяхъ, это обстоятельство отмѣтить. Но, увы, именно этого впечатлѣнія паденія „духа" я не имѣлъ и не замѣчалъ у другихъ. Какъ же такъ? Не врутъ же историки?

Историки пишутъ. А писать надо гладко, логично и понятно. Какъ же не упомянуть о „духѣ"? Вѣдь въ газетахъ и гостиныхъ это позволитъ много и хорошо говорить. Но съ точки зрѣнія военнаго теоретика это понятіе „духа" имѣетъ весьма условное содержаніе. И если необходимо указать или очертить психологію личнаго состава флота, то придется дать иное опредѣленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое „паденіе духа", моральная депрессія? Это, прежде всего, апатія, мрачность, бездѣйствіе, отчаяніе и проч. Ну вотъ, у личнаго состава флота такихъ настроеній не только я не замѣчалъ, но они были и невозможны. Приходилось дѣйствовать какъ на морѣ, такъ и на сушѣ.

Но дѣйствовали плохо? Напротивъ, очень хорошо, как всегда дѣйствуетъ русскій солдатъ. Въ Петербургѣ поставили памятникъ „Стерегущему". Но мои впечатлѣнія вызывались далеко не однимъ „Стерегущимъ". Я сейчасъ не могу перечислить всѣхъ, подобныхъ ему, случаевъ великаго самоотверженія, мужества, инициативы и умѣлости дѣйствій личнаго состава.

Правда, ослабленная больше чѣмъ на половину эскадра уже не могла состязаться съ японской и не оспаривала поэтому у нея временнаго обладанія моремъ. Но очень часто миноносцы высылались въ ночные походы на коммуникаціи непріятеля, когда онъ высадилъ свои арміи. Однако бдительность всѣхъ морскихъ силъ у японцевъ была очень велика, и часто наши миноносцы попадали въ тяжелую обстановку неравнаго боя или съ крейсерами, или со значительно превосходящимъ числомъ миноносцевъ. И вотъ, всегда готовый къ разсвѣту крейсеръ „Баянъ" полнымъ ходомъ шелъ на помощь своимъ и вступалъ въ бой иногда съ нѣсколькими крейсерами. Развѣ на „Баянѣ" можно было замѣтить какой-нибудь упадокъ духа? А обстоятельства были иногда тяжелыя. Однажды „Баянъ" подошелъ, когда миноносецъ, засыпаемый снарядами японскихъ крейсеровъ, уже затонулъ, а на водѣ плавали оставшіеся живыми люди. „Баянъ" спустилъ шлюпки и подъ огнемъ японскихъ крейсеровъ началъ подбирать людей. Тогда плавав-

шій на обломкѣ тяжело раненый лейтенантъ Малѣевъ крикнулъ ближайшимъ къ нему: „не сдавайся, ребята!" и нырнулъ самъ. Уже плохо видѣвшій отъ потери крови, онъ принялъ „Баяна" за японца. „Баяну" такъ и не удалось его найти.

И на сухопутный фронтъ съ кораблей посылались люди для защиты подступовъ къ Артуру. Тамъ тоже, кромѣ обычно точной, спокойной дѣятельности, бывали случаи, когда человѣкъ предпочиталъ смерть бездѣйствію.

Близко къ концу... Лейтенантъ Буцко, молодой силачъ и гимнастъ, командуетъ однимъ изъ укрѣпленій подъ Артуромъ. Послѣ гибели генерала Кондратенко онъ получаетъ приказъ объ отступленіи. Тогда онъ направляетъ своихъ людей съ боевымъ имуществомъ въ тылъ, а самъ остается защищать укрѣпленіе въ рукопашную. Къ нему возвращаются нѣсколько матросовъ и раздѣляютъ его участь... Такъ поступаютъ не деморализованные, а оскорбленные.

Словомъ, никакого упадка духа во флотѣ не было, а было нѣчто другое. Ругали Петербургъ и не вѣрили въ способность руководить войной тѣхъ, на комъ эта обязанность лежала. Вѣра въ успѣхъ дѣла часто была слаба у многихъ, въ особенности послѣ гибели адмирала Макарова. И это было не настроеніемъ или депрессіей, но подсознательный выводъ изъ дѣйствительности. Поколебать это невѣріе и разочарованіе могъ только значительный успѣхъ, а не подбадривающія дѣйствія, которыя предпринялъ адмиралъ Макаровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что,собственно говоря, случилось? Роль нашего флота въ войнѣ была чрезвычайно отвѣтственна: или выхватить у японцевъ обладаніе моремъ или, если эта задача окажется невыполнимой, сдѣлать морскія перевозки настолько ненадежными, что операціи и маневрированіе большихъ массъ войскъ сдѣлались бы невозможными. Эту задачу могъ выполнить только равный по мощности флотъ, не связанный дурнымъ устройствомъ базъ.

А что оказалось къ началу войны? Послѣ первой атаки вдвое слабѣйшій флотъ, связанный приливами и отливами и не имѣющій хорошо подготовленнаго командованія. Когда прибылъ въ Артуръ Макаровъ, онъ прежде всего предпринялъ попытки дѣйствій по коммуникаціямъ противника. Но это было почти безуспѣшно. Для японцевъ морскія перевозки были вопросомъ жизни и смерти, и они тутъ не дѣлали ошибокъ и дѣйствовали отлично. Я помню, что наши суда, посылавшіяся для дѣйствій во флангъ наступающаго противника, встрѣчали сильнѣйшее противодѣйствіе.

Помню такой случай, уже послѣ гибели Макарова. Японцы наступали уже вблизи Артура. „Гилякъ" былъ посланъ обстрѣлять позиціи японцевъ въ горахъ у самаго берега. Пришли и открыли огонь, сразу сбросившій нѣсколько пушекъ съ горъ. Отлично... „Ретвизанъ", посланный насъ прикрывать, расположился много мористѣе. И вдругъ на горизонтѣ появляются крейсера „Касуга" и „Нисинъ". Эти крейсера были миляхъ въ девяти - десяти, когда „Ретвизанъ" получилъ первый недолетъ — съ кабельтовъ. Затѣмъ маленькое сближеніе и сначала малый перелетъ, потомъ такой же недолетъ, и два снаряда у самаго борта. Крейсера отлично держутъ дистанцію, и „Ретвизанъ", получая снаряды, самъ не можетъ достичь противника. Мы продолжаемъ обстрѣлъ, но торопимся, т. к. на насъ уже держутъ показавшіеся японскіе крейсера.

„Ретвизанъ" задираетъ свои пушки до отказа — недолетъ. „Ретвизанъ" дѣлаетъ малый кренъ — опять недолетъ. „Ретвизанъ" даетъ ходъ на сближеніе, но разстояніе не мѣняется, и онъ получаетъ разрывъ у самаго борта.

Тогда „Ретвизанъ" поднимаетъ сигналъ „возвращаться". Крейсера „Нисинъ" и „Касуга" были только что куплены Японіей и имѣли значительно большую скорость и дальнобойность своихъ десятидюймовыхъ орудій. Вотъ вамъ и духъ! Что это, депрессія заставила командира „Ретвизана", не имѣя возможности достать непріятеля, уйти, чтобы не подставлять свои бока и палубу безнаказанно? Такъ условно понятіе „духъ".

А вѣдь изъ за такихъ случаевъ возникалъ антагонизмъ, то-есть вѣрнѣе, непріязнь сухопутныхъ къ морякамъ. Насъ обвиняли въ нерѣшительности, въ военной негодности, чуть ли не въ трусости, хотя отлично видѣли отличныя дѣйствія моряковъ на сушѣ. Стессель, можетъ быть, дѣйствительно не понималъ трагическаго положенія флота, но комендантъ, человѣкъ умный, понималъ и даже въ концѣ осады требовалъ разоруженія кораблей для пополненія пушками своихъ батарей.

Когда прибылъ Макаровъ, началось нѣкоторое оживленіе, но, увы, оно очень скоро окончилось. Онъ проявилъ большую энергію въ дѣлѣ ускоренія починки кораблей — эта его большая заслуга. Онъ усилилъ дѣйствія миноносцевъ на комуникаціяхъ противника, но тутъ особеннаго успѣха не имѣлъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ выходомъ въ море эскадры безъ двухъ главныхъ кораблей поднять духъ личнаго состава — и это была его ошибка.

Наканунѣ Пасхи Макаровъ пріѣхалъ на „Гилякъ", чтобы вблизи посмотрѣть на отраженіе японскихъ миноносцевъ, ставившихъ мины и

обнаруженныхъ нашими прожекторами. Миноносцевъ было много, но не всѣ доходили до рейда — огонь съ Золотой горы былъ очень силенъ, хотя, кажется, не очень успѣшенъ, т. к. миноносцы быстро выскальзывали изъ луча, а береговыя пушки не очень скорострѣльны. Наконецъ все стихло, и адмиралъ зашелъ въ штурманскую рубку отдохнуть. Черезъ нѣкоторое время адмиралъ проснулся и уѣхалъ.

Съ утра начали тралить выходной фарватеръ, но скоро начали вытягиваться корабли, и, имѣя передъ собой пару миноносцевъ съ траломъ, ушли въ море. Потомъ расказывали, что на предложеніе Начальника Штаба подождать окончанія траленія, Макаровъ сказалъ: „Волковъ боятся, въ лѣсъ не ходить!"

Съ уходомъ эскадры возобновили траленіе главнымъ образомъ той части рейда, гдѣ могла проходить и становиться эскадра. Районъ Золотой горы оставили напослѣдокъ. Многіе тогда говорили, что этотъ выходъ эскадры былъ сдѣланъ для подъема духа во флотѣ. И, дѣйствительно, этотъ выходъ какъ будто показалъ на скорую возможность активныхъ дѣйствій на морѣ а, значитъ, и на возможность поворота войны въ нашу пользу.

Но когда, черезъ короткое время, увидѣли показавшуюся изъ-за Ляотишана нашу эскадру, очевидно преслѣдуемую всѣмъ флотомъ японцевъ, то моральное состояніе наше дѣйствительно упало и стало ниже, чѣмъ до выхода. Я былъ на „Гилякѣ", который стоялъ сторожевымъ при входѣ въ гавань. Группа офицеровъ и, вблизи, матросовъ, смотрѣли на возвращеніе. Короткія, угрюмыя замѣчанія по поводу выхода и возвращенія не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ характерѣ отзывовъ.

Но вотъ эскадра на рейдѣ, японскій флотъ виденъ на горизонтѣ. Онъ дальше не преслѣдуетъ и въ зону береговыхъ батерей не идетъ, а разворачивается по лаксодроміи. Онъ наблюдаетъ. „Петропавловскъ" начинаетъ разворачиваться подъ Золотой горой и подымаетъ сигналъ: „команда имѣетъ время обѣдать". Командиру „Гиляки", стоявшему около насъ, сигнальщикъ докладываетъ этотъ сигналъ. — Какой обѣдъ . . . тамъ мины! — сказалъ кто-то изъ команды и мрачно выругался. Это было сказано громко, но никто изъ офицеровъ даже не посмотрѣлъ въ сторону говорившего — такъ напряженно было настроеніе.

И вотъ подъ носомъ „Петропавловска" сначала одинъ взрывъ, и черезъ несколько секундъ другой, болѣе мощный. На минуту поднявшаяся корма съ винтами и минуты въ три „Петропавловска" не стало . . .

Со всѣхъ кораблей побросали на воду шлюпки и, стремясь къ мѣсту гибели, всматривались въ еще волнующуюся поверхность моря — не покажется ли адмиралъ. И на „Гилякѣ" продолжали стоять и чего-то

ждать. Стояли безъ движенія и всматривались въ копошащуюся массу шлюпокъ на мѣстѣ гибели.

Вдругъ оттуда большимъ ходомъ отошелъ катеръ.

— Кого везете?! — закричало нѣсколько человѣкъ, когда катеръ проходилъ мимо „Гиляка". — Великаго Князя! — отвѣтили съ катера. Это подобрали Кирилла Владиміровича, который былъ въ штабѣ адмирала. Молчаніе. Опять ждали и разошлись, когда на мѣстѣ гибели уже никого не осталось. И вотъ странность: впечатлѣніе гибели „Петропавловска" въ моемъ сознаніи явилось не отдѣльно, а какъ бы продолженіемъ возвращенія эскадры. Было въ этомъ что-то фатальное и цѣльное.

Потомъ пошли дни тяжелыхъ переживаній и мелкихъ потерь . . .

Приблизительно недѣли черезъ двѣ было поставлено минное загражденіе на путяхъ появленія японской эскадры. И дѣйствительно, эскадра появилась, попала на это загражденіе и потеряла два корабля. Одинъ изъ нихъ не затонулъ и былъ уведенъ на буксирѣ. Остальные ощупью вышли изъ минированного района. Все это продолжалось долго, но мы такъ же молча наблюдали, какъ двѣ недѣли тому назадъ японцы наблюдали гибель „Петропавловска". Правда, были посланы миноносцы атаковать, но они скоро вернулись.

Сейчасъ, конечно, можно спросить, почему нашъ флотъ бездѣйствовалъ? Я помню, что тогда всѣмъ извѣстна была причина этого бездѣйствія (отливъ), но я ее не помню, можетъ быть потому, что эта причина была естественна и не вызывала недоумѣнія. Сейчасъ легко критиковать: планъ, молъ, былъ хорошъ, но нужно было его завершить тактически, т. е. готовностью кораблей къ возможной удачной обстановкѣ. Вѣдь даже „Полтава" и „Севастополь" могли быть черезъ десять минутъ на хорошей дистанціи, чтобы помѣшать спасать незатонувшій корабль и выйти изъ минированного района. Словомъ, сейчасъ легко критиковать, а тогда мы дѣйствительно были въ морально нехорошемъ состояніи и, поэтому всѣ наши дѣйствія были не вполнѣ вѣрны. Именно теперь начала сказаться депрессія. Дни пошли невеселые и однообразные, несмотря на то, что они хорошо разнообразились неудачами нашими на подступахъ къ Артуру, который уже былъ отрѣзанъ, а генералъ Куропаткинъ отступалъ. Раньше, когда мы получали газеты, въ которыхъ Кладо выступалъ съ краснорѣчивымъ требованіемъ отправки въ Артуръ какъ можно больше пушекъ, хотя бы на совсѣмъ устарѣвшихъ корабляхъ, мы ругались, смѣялись и такимъ образомъ развлекались. Теперъ этого уже не было, и оставалось ждать готовности главныхъ кораблей и ухода куда нибудь изъ Артура.

И вотъ пришелъ и этотъ моментъ.

Сначала я узналъ, что нашъ новый начальникъ эскадры, контръ-адмиралъ Витгефтъ призывалъ къ себѣ своего сына, мичмана, и, составивъ завѣщаніе, долго съ нимъ бесѣдовалъ. Ну, подумалъ я, дѣло будетъ серьезное . . . Потомъ я узналъ, что на нѣкоторые корабли будутъ взяты жены офицеровъ, т. к. эскадра въ Артуръ не вернется. Теперъ уже мнѣ стало досадно, что я не могу быть назначеннымъ опять на „Побѣду", хотя я числился въ ея спискахъ очереди на сухопутный фронтъ. Но я не помню, чтобы я очень огорчался, т. к. почему-то думалъ, что все это не состоится.

Наконецъ вся эскадра 28 іюля ст. ст., вышла на рейдъ съ флагманомъ на „Цесаревичѣ". Построилась въ кильватеръ и легла на курсъ. На „Цесаревичѣ" подняли сигналъ: „Государъ Императоръ приказалъ итти во Владивостокъ". Затѣмъ уже, по семафору: „Лейтенанту X, не помню фамиліи нашего фотографа, снять историческій выходъ эскадры во Владивостокъ".

И вотъ, по великой порочности человѣческой натуры, я началъ смотрѣть съ сарказмомъ на дѣло, къ участію въ которомъ меня не пригласили. Поэтому оба эти приказа не выдержали моей мичманской критики, хотя раньше я, какъ и всѣ, хотѣлъ уйти изъ этой ловушки — Артура.

— Зачѣмъ такой сигналъ и для кого? — спрашивалъ я себя и другихъ.

Вѣдь не пускалъ и продолжаетъ не пускать насъ во Владивостокъ не Государъ, а японцы, безъ смертнаго боя съ которыми нельзя никуда выйти изъ Артура. Если это сигналъ для подъема духа, то напрасно, — сигналомъ духа не поднять. А если намъ предстоитъ смертный бой, то онъ можетъ быть или успѣшнымъ, — и тогда не надо уходить изъ Артура, — или неуспѣшнымъ, — тогда невозможно будетъ эскадрѣ дойти до Владивостока, развѣ что отдѣлившимся быстроходнымъ и сильнымъ кораблямъ вродѣ „Баяна". Такъ что во всѣхъ случаяхъ такой сигналъ нехорошъ. А снять „историческій выходъ эскадры во Владивостокъ" просто нельзя, т. к. на ней не написано, куда она идетъ. Выйдетъ просто кучка кораблей на рейдѣ и больше ничего. Такъ я и другіе разсуждали, а на дѣлѣ вышло не такъ.

Къ разсвѣту вернулась эскадра безъ двухъ главныхъ кораблей, „Ретвизана" и „Цесаревича", а также безъ двухъ, кажется, крейсеровъ. Наружный видъ неодинаковый у всѣхъ. „Пересвѣтъ" имѣлъ развернутыя дымовыя трубы, разбитыми всѣ надстройки и всѣ прожектора . . . Но боевая рубка была цѣла. „Побѣда" имѣла незначительныя поврежденія, даже сразу незамѣтныя. „Полтава" и „Севастополь" — надводныя пробоины. Потери въ личномъ составѣ не очень велики. Часа черезъ три

пришелъ „Ретвизанъ". Поврежденія замѣтныя. Вся палуба занята накрытыми брезентами тѣлами убитыхъ, которыхъ немедленно сгрузили на подошедшій портовый катеръ. „Цесаревичъ" не вернулся.

Потомъ отъ товарищей на этихъ корабляхъ я узналъ всѣ обстоятельства боя, которыя я здѣсь не привожу, потому что цѣненъ былъ бы разсказъ только участника. Я же передамъ только то, что создавало и составляло мое впечатлѣніе. Напримѣръ, мнѣ разсказывали, что послѣ выхода изъ строя „Цесаревича", „Ретвизанъ", сталъ головнымъ, повелъ эскадру на сближеніе и что дистанція его до „Миказа" доходила до восемнадцати кабельтовыхъ. Поэтому можно было видѣть на немъ очень большія разрушенія, и онъ стрѣлялъ только нѣсколькими пушками средняго калибра. Башни не дѣйствовали. „Ретвизанъ" продолжалъ бить изъ своей носовой башни почти прямой наводкой и приготовилъ носовой минный аппаратъ. Капитанъ I ранга Щенсновичъ, командиръ „Ретвизана", рѣшилъ итти на минный выстрѣлъ и даже, если нужно будетъ, на таранный ударъ. Но къ этому времени съ „Цесаревича" дано было знать на „Пересвѣтъ" контръ-адмиралу Ухтомскому о передачѣ командованія эскадрой, и „Пересвѣтъ", поднявъ едва замѣтный сигналъ на разбитой мачтѣ — „Слѣдовать за мною", повернулъ на обратный курсъ. Японцы тоже уже поворачивали, и такимъ образомъ эскадры начали расходиться. Тогда „Ретвизанъ", имѣя большія потери въ личномъ составѣ и поврежденія, не повернулъ съ эскадрой, а отдѣлился и взялъ курсъ въ обходъ. Капитанъ I ранга Щенсновичъ не хотѣлъ подвергаться миннымъ атакамъ, которыя, дѣйствительно, всю ночь не давали покоя эскадрѣ.

И вотъ, впечатлѣніе отъ этого разсказа у меня до сихъ поръ сохранилось такимъ яснымъ, какъ будто это было совсѣмъ недавно.

О „Цесаревичѣ", ушедшемъ въ нейтральный портъ, и о двухъ крейсерахъ какъ-то не говорили, и это замалчиваніе у меня сохранилось, какъ нѣчто неопредѣленное. Потомъ говорили, что эскадра была еще вполнѣ боеспособна и что нерѣшенный бой былъ нами выигранъ и не доведенъ до конца благодаря дѣйствіямъ „Цесаревича" и „Пересвѣта". Такъ окончилась морская исторія Портъ Артура.

Въ дальнѣйшемъ корабли, вполнѣ боеспособные, превратились въ мишень для обстрѣла ихъ одинадцатидюймовыми мортирами, въ гавани. А съ моря японцы предпринимали все возможное, чтобы окончательно закупорить ихъ своими брандерами. Я не помню, когда была первая атака брандеровъ, но помню, что ихъ было нѣсколько и что всѣ они были неудачными, безъ успѣха. Пароходы подъ огнемъ сторожевыхъ судовъ и береговыхъ батерей тонули, не доходя до прохода въ гавань. Въ концѣ осады въ Ляотишанской бухтѣ былъ установленъ броненосецъ

,,Севастополь", который и отражалъ всѣ атаки на входъ въ Портъ Артуръ. На ,,Севастополь" былъ назначенъ командиромъ Н. О. Эссенъ, служба съ которымъ стала считаться честью, и онъ не могъ принять всѣхъ желающихъ назначенія на ,,Севастополь". Бывшій мой учитель теоріи девіаціи и здѣсь себя показалъ замѣчательнымъ офицеромъ. Но уже ничто не могло измѣнить судьбы флота въ Артурѣ — онъ долженъ былъ тамъ погибнуть.

Хорошо, что человѣкъ не знаетъ будущаго — личный составъ флота предпочелъ бы остаться на своихъ затопленныхъ корабляхъ въ послѣднемъ пафосѣ національнаго достоинства.

Нельзя считать депрессіей стремленіе людей туда, гдѣ еще можно было служить съ честью — стремились къ Эссену, дѣйствовали до конца на береговыхъ укрѣпленіяхъ, а потомъ стремились на корабли, возможно уходящіе на прорывъ въ одиночку и съ любымъ боемъ.

Но теперь уже не пускали не только японцы, но и начальство. Мы, мичмана, не знали подробностей и всѣхъ условій дѣятельности начальства, и намъ казалось, что такіе корабли какъ ,,Баянъ", ,,Побѣда", ,,Ретвизанъ" и нѣкоторые миноносцы, могли бы уйти и не въ нейтральный портъ. Но они безъ боя были потоплены въ гавани мортирами. Я не собираюсь писать о борбѣ Портъ-Артура, — много ли я могъ знать, что дѣлаютъ Стессель, Фокъ, Смирновъ, но я чувствовалъ, что депрессія въ сухопутныхъ частяхъ была опредѣленнѣе и постояннѣе, чѣмъ у насъ, особенно послѣ гибели генерала Кондратенко. И не зная, конечно, судьбы Артура, былъ равнодушенъ и молодо-безпеченъ.

Скоро дошла до меня очередь командовать ротой съ ,,Побѣды" послѣ убитаго на Высокой горѣ товарища. Нужно было явиться командовавшему эскадрой капитану I ранга Вирену. Я засталъ его въ постели легко раненымъ. Онъ пожелалъ мнѣ успѣха, перекрестилъ и отпустилъ. Это мнѣ не понравилось, какъ я помню, вся эта манера пафоса конца.

Вышелъ, взялъ рикшу и поѣхалъ. Помню, одѣтъ я былъ совершенно нелѣпо, какъ въ опереткѣ собирающійся ,,на войну". Правда, мы, моряки, вообще плохо были обучены дѣйствіямъ на сушѣ. Я надѣлъ свое длинное вахтенное пальто на толстой пуховой подкладкѣ, свой длинный палашъ и . . . большой кожаный портсигаръ папиросъ. Вотъ и все мое вооруженіе . . .

Немного не доѣзжая до Высокой горы, мой рикша вдругъ схватился за животъ и, остановившись, завопилъ: — Ой, ой, моя твоя капитана дальше ни ни!!.. — И ничего нельзя было сдѣлать, а когда я пригрозилъ ему даже саблей, онъ побѣжалъ въ кусты и усѣвшись тамъ заоралъ: — Моя твоя капитана нѣтъ стопа!!—

Я отлично понималъ, что онъ уже услышалъ стрѣльбу и не желалъ въ ней участвовать. Пришлось итти пѣшкомъ, а день былъ ясный и теплый, такъ что я проклялъ свое длинное пальто и палашъ, добираясь весь въ поту до Высокой горы.

Тамъ, въ блиндажѣ офицерской столовой, нашелъ полковника Третьякова, коменданта Горы, и явился ему.

— Это вы, батенька, куда эдакъ собираетесь? Сегодня тепло . . . —

Я отвѣтилъ, что назначенъ командиромъ роты съ „Побѣды".

— Да, да . . . Это вмѣсто мичмана . . . . —

— Такъ точно. —

— Отлично . . . только зачѣмъ вамъ сабля такая . . . кавалергардская? . . . да и пальтишко помѣщичье . . . куда тамъ съ этимъ! . . . А у васъ револьверъ хоть есть? —

— Нѣтъ. —

Онъ взялъ мою саблю, вытащилъ наполовину клинокъ и покачалъ головой. На немъ были золотомъ выгравированы подписи моихъ друзей — Бутакова, Нирода и Лемана.

— Такъ . . . Красиво . . . Вы ее здѣсь оставьте, въ сохранности будетъ. А пока . . . Эй! —

Къ нему подбѣжалъ солдатъ.

— Дай ка сюда, вотъ барину, револьверъ, который у меня . . . тамъ —

— Слушаю. Японский? —

— Ну, хотя бы тотъ. —

Скоро принесли мнѣ револьверъ, патроновъ. По приказанію полковника, добродушно издѣвавшагося надо мною, явились два казака.

— Вотъ они васъ проводятъ. Можетъ закусить чего нибудь желаете? —

— Нетъ, я только что обѣдалъ. —

— Ну, съ Богомъ . . . — и онъ тоже перекрестилъ и поцѣловалъ меня.

— Придете въ окопъ, поздоровкайтесь . . . для бодрости. Да навѣрно съ темнотой атаковать велятъ . . . япошку на гребнѣ — очень мѣтко бьетъ. Ну, съ Богомъ . . . —

Мы съ казаками сначала шли, потомъ пригнулись, а скоро поползли, такъ усилилась ружейная стрѣльба. День клонился къ вечеру, но еще было совсѣмъ тепло и свѣтло. Я проклиналъ свое длинное пальто, которое очень скоро перестало быть „помѣщичьимъ" и въ которомъ ползти было очень жарко и трудно . . .

По дорогѣ одинъ казакъ вдругъ сказалъ шепотомъ:

— Погодите малость, Ваше Благородіе . . . — Я остановился. А онъ быстро поползъ рядомъ въ кустики, тамъ что-то продѣлалъ и вернулся.

— Что тамъ? — спросилъ я.

— Да ничего . . . Япошка тамъ лежитъ, будто спитъ . . . Я малость пощупалъ. Айда! — Мнѣ это не понравилось, но было не до того, надо было торопиться . . . Наконецъ мы доползли до обширнаго окопа.

— Ну, Ваше Благородіе, вы, значитъ, дома. А намъ торопиться назадъ. —

Я увидѣлъ вдоль окопа разно расположившихся съ винтовками матросовъ, изъ которыхъ многихъ сразу узналъ, мои — побѣдскіе. Ко мнѣ, пригнувшись, быстро шелъ фельдфебель, лица котораго я сразу не узналъ, такъ обросъ и почернѣлъ этотъ, тоже мой, съ „Побѣды", франтъ. Я поднялся во весь ростъ и крикнулъ: — Здорово, молодцы — но былъ осторожно пригнутъ фельдфебелемъ, который мнѣ даже камень почистилъ сапогомъ, чтобы я поскорѣе сѣлъ. Мнѣ отовсюду отвѣтили въ разнобой и плохо.

— Здѣсь такъ нельзя, Ваше Благородіе . . . Онъ вонъ тамъ, за камнями, на гребнѣ. Мѣтко бьетъ. —

И дѣйствительно, надъ бруствeромъ часто запѣли пули, но скоро затихли.

— Это вы поздоровались, а японцы и думáли что какой нибудь старшій начальникъ. —

Фельдфебель повелъ меня по блиндажу и по дорогѣ все доложилъ — сколько человѣкъ было, сколько осталось (около 150 чел.), какъ былъ убитъ мичманъ, какой у нихъ распорядокъ тутъ, сколько за обѣдомъ послано, да вотъ ихъ нѣтъ до сихъ поръ что-то. Словомъ, я вошелъ въ жизнь роты. Скоро увидѣлъ, какъ двое, пригнувъ головы, притащили ендову, а третій шелъ рядомъ и ладонью придерживалъ край.

— Ишъ, опять пробило? —

— Такъ что, господинъ фельдфебель, . . . идемъ, значитъ . . . —

— Да ты мнѣ не замазывай . . . Отчего отъ тебя водкой разитъ? . .—

Все это говорится негромко, но выразительно и сердито.

— А что же ей зря пропадать . . . господинъ фельдфебель! . . . —

— Вотъ, дьяволъ . . . — недовольно ворчитъ фельдфебель и знаками зоветъ очередь. Принесли чарку.

— Ваше Благородіе, начинайте! — Я выпилъ, и за мною начали подбѣгать матросы и, утираясь рукой, убѣгать на свое мѣсто. Тутъ же нѣсколько человѣкъ принесли щи въ ведрахъ. Начался обѣдъ. Скоро начало быстро темнѣть, и я получилъ записку отъ полковника Третьякова: „Съ наступленіемъ темноты выбить непріятеля изъ окоповъ на

гребнѣ. Изготовиться теперъ же". Я подозвалъ фельдфебеля, и мы посовѣщались. Назначили людей въ атаку, часть въ резервъ, сзади. Рѣшили начать ползкомъ, безъ команды переползти свою насыпь и, какъ я приподнимусь, сосѣдъ сдѣлаетъ то же и такъ далѣе. „Добѣжимъ до гребня камней, тогда всѣ прыгай и ура!" такъ я говорилъ, обходя окопъ.

Съ наступленіемъ темноты послалъ двухъ охотниковъ послушать. Вернулись и доложили, что все тихо, только „слыхать, гуторятъ, да не разобрать". Наконецъ въ полной темнотѣ я началъ перелѣзать насыпь и услышалъ, какъ зашуршали справа и слѣва, а фельдфебель ползъ за мною. Я доползъ до ранѣе намѣченнаго камня и съ револьверамъ — винтовки я не взялъ — пригнувшись, побѣжалъ и еще успѣлъ услышать, какъ приподнялись и побѣжали люди. Не знаю, много ли я пробѣжалъ, какъ взрывъ подъ ногами меня ослѣпилъ и оглушилъ. Вѣроятно я сразу потерялъ сознаніе, т. к. больше ничего не слышалъ и не видѣлъ. Очнулся на площадкѣ половины горы у какого-то блиндажа, гдѣ успѣлъ замѣтить какихъ-то людей, хотѣлъ приподняться, но опять потерялъ сознаніе и опять очнулся, когда былъ на носилкахъ между двумя велосипедами. Довольно скоро меня довезли до перевязочнаго пункта, гдѣ дали мнѣ горячаго кофе и почему-то немедленно отправили дальше. По дорогѣ я терялъ сознаніе, но въ госпиталь былъ доставленъ въ памяти. Въ ту же ночь мнѣ оперировали ногу, вынувъ осколокъ съ пятачекъ величиной, который, вмѣстѣ съ кожей сапога и бѣльемъ, дошелъ до кости, но ея не тронулъ. Рана была пустяшная, хотя мѣтка осталась до сихъ поръ. А съ головой было хуже. Чѣмъ и какъ я былъ контуженъ я не знаю, а послѣдствія были очень тяжелы и даже сейчасъ иногда сказываются.

Пробывъ дня два въ госпиталѣ, я былъ отправленъ для перевязокъ въ китайскія фанзы на Тигровый хвостъ (часть побережья гавани), гдѣ и оставался до сдачи Артура.

Я разсказываю объ этомъ такъ подробно и долго потому, что впечатлѣніе это живо помню до сихъ поръ, и потому еще что это мое едиственное боевое впечатлѣніе — тутъ я былъ не наблюдателемъ, а дѣйствующимъ лицомъ. За это я получилъ орденъ съ мечами и бантомъ, пробывъ на Высокой горѣ нѣсколько часовъ.

Потомъ пришедшіе изъ роты навестить меня два человѣка говорили, что окопъ японцевъ былъ взятъ сразу и что тамъ оказались хорошіе блиндажи, въ которыхъ рота устроилась отлично. Когда я перебрался въ фанзу, команда съ „Гиляка" отдѣлала мнѣ ее коврами и привезла все, что можно было спасти съ затонувшаго на половину корабля. Такъ что я, живя въ фанзѣ на перевязочномъ положеніи, обѣдалъ на серебрѣ, пилъ высокосортный коньякъ, закусывалъ его иногда испорченной ко-

ниной или гнилымъ картофелемъ и послѣ этого отдыхалъ за чашкой отличнаго кофе, покуривая гаванскую сигару.

Такъ окончилась исторія моего пребыванія въ Портъ Артурѣ. Когда на Золотой горѣ мы увидѣли флагъ сдачи крѣпости, насъ это уже не поразило, — губка впечатлительности была насыщена... Мы стали готовиться къ плѣну.

Мой вѣстовой, матросъ съ „Гиляка", заявилъ мнѣ, что какъ только стемнѣетъ, миноносецъ — забылъ его названіе — уходитъ, чтобы прорваться въ Чифу и что онъ уже тамъ сговорился съ командой, что притащитъ и меня. Но я отказался. Можетъ быть опять я не вѣрилъ въ прорывъ, какъ и другіе, и сталъ апатично и безсмысленно бросать въ море все, что считалъ нужнымъ не отдавать японцамъ. Въ море полетѣли мои бумаги, фотографіи, судовое серебро и даже, почему-то, мой мундиръ. Затѣмъ я спросилъ своего вѣстового, берется ли онъ довезти въ Главный Штабъ нѣкоторыя судовыя бумаги и серебряныя трубы, жалованныя кораблю за бой при Таку.

— Будьте покойны, доставлю, если буду живъ. — Все было доставлено, какъ я потомъ убѣдился.

Затѣмъ рядъ постыдныхъ впечатлѣній плѣна, начиная отъ Портъ Артура и до Нагасаки. Въ Нагасаки мнѣ дали отличное помѣщеніе подъ надзоромъ только хозяина дома и это мое первое впечатлѣніе въ Японіи какъ-то отодвинуло еще не остывшее чувство постыдности сдачи на задній планъ.

Я помнилъ только первый эпизодъ плѣна, когда всѣ мы, старшіе и младшіе офицеры, были собраны на небольшой площадкѣ Новаго Города, и намъ было сказано, что мы можемъ взять съ собой всѣ свои личныя вещи, которыя можемъ нести въ рукахъ, и что намъ оставляется холодное оружіе, а огнестрѣльное нужно сдать. Затѣмъ въ нашу толпу вошелъ японскій полковникъ генеральнаго штаба и, подождавъ, когда на него обратятъ вниманіе, попросилъ на отличномъ русскомъ языкѣ стать правильнымъ кругомъ и, когда мы это исполнили, прочиталъ громко и раздѣльно по-японски нѣсколько строкъ приказа. Затѣмъ по-русски сказалъ:

— Императоръ Японіи повелѣлъ освободить всѣхъ гг. офицеровъ, давшихъ подписку о непринятіи участія въ этой войнѣ впредь.

Общее молчаніе и неподвижность. Слишкомъ неожиданно, чтобы сразу отвѣтить. Наконецъ выходитъ на полшага впередъ старенькій пѣхотный полковникъ и говоритъ:

— И находясь въ плѣну, мы остаемся на службѣ Государя Императора, такъ что сами не можемъ давать такой подписки.

Опять молчаніе и неподвижность. Японскій полковникъ, подождавъ минуту, ушелъ съ легкимъ поклономъ.

И вотъ теперь вѣжливая предупредительность въ карантинѣ, свободное помѣщеніе, даже первый обѣдъ, предложенный съ вѣжливымъ поклономъ хозяина. Затѣмъ полная свобода прогулокъ въ Нагасаки, но только въ японской его части, Іенаса, и отличныя перевязки приходящаго фельдшера, — все это такъ успокаивало, что Артуръ сталъ забываться. Я даже посѣтилъ домъ Амату-санъ, гдѣ бывалъ Императоръ Николай II въ бытность свою Наслѣдникомъ. Я видѣлъ его подарки, которые вмѣстѣ съ домомъ были спасены полиціей отъ нападенія въ первые дни войны.

Недѣли черезъ двѣ я былъ приглашенъ въ Комендатуру, гдѣ мнѣ сказали, что Микадо повелѣлъ отпустить безъ всякихъ подписокъ офицеровъ, раненыхъ въ Артурѣ. Поэтому, если я хочу, могу завтра же уѣхать на пароходѣ Messagerie Maritime, но придется довольствоваться двойной каютой. Если же не хочу, то придется подождать еще недѣлю, тогда будетъ каюта перваго класса. Я поблагодарилъ и заявилъ, что предпочитаю ждать. Мое желаніе записали, и я ушелъ, причемъ стоявшіе у дверей солдаты отворили мнѣ дверь и отдали честь.

И вотъ, на счетъ Японіи, я уѣхалъ на французскомъ пароходѣ до Шанхая, гдѣ всѣхъ насъ, артурцевъ, снабдилъ деньгами на дальнѣйшую поѣздку и экипировку контръ-адмиралъ Григоровичъ, спеціально командированный туда для этой цѣли. Въ Шанхаѣ я прожилъ въ первоклассной гостиницѣ недѣли двѣ, платя фунтъ въ день съ каретой для выѣздовъ. Наконецъ, найдя билетъ до Портъ Саида на англійскомъ пароходѣ Simla, отлично поплавалъ пассажиромъ.

Въ Портъ Саидѣ пересѣлъ на пароходъ Р. О. П. и Т., дошелъ до Одессы, оттуда экспрессомъ въ Петербургъ.

Очень можетъ быть, что современный молодой русскій читатель просто не повѣритъ всему этому.

—Какъ это, плѣннаго не мучили, не пытали, не морили голодомъ, а, напротивъ, отдали ему честь и отправили домой?! Ну, а дома-то васъ посадили въ тюрьму до выясненія политическихъ убѣжденій?! И почему васъ не разстрѣляли?!.. Не можетъ этого быть!..

— Что же дѣлать? — отвѣчу я — Въ прошломъ было вообще очень многое, что сейчасъ кажется невѣроятнымъ.

Такъ окончилась моя артурская эпопея.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ДѢЙСТВІЙ ФЛОТА ПРИ ЭВАКУАЦІИ КРЫМА ВЪ НОЯБРѢ 1920 Г. И ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО НА ЧУЖБИНѢ.

Продолженіе

III. Эвакуація.

18-го октября 1920 г. Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ и Начальникомъ Морского Управленія былъ назначенъ контръ-адмиралъ Кедровъ, замѣнившій больного и черезъ нѣсколько дней скончавшагося вице-адмирала Саблина.

19-го октября, приказаніемъ Штаба Флота за № 2066/оп., всѣ виды топлива, какъ-то: уголь, мазутъ, саляровое масло, керосинъ, бензинъ и нефть въ портахъ Крыма было приказано считать оперативнымъ запасомъ, и его расходъ производить исключительно съ согласія оперативной части Штаба Флота. Съ 20-хъ чиселъ октября, когда положеніе на нашемъ фронтѣ стало тревожнымъ, Командующій Флотомъ приказалъ, какъ транспортамъ, такъ и военнымъ судамъ, приступить къ погрузкѣ оперативнаго запаса угля. Въ концѣ октября ожидался приходъ въ Крымъ нѣсколькихъ иностранныхъ пароходовъ съ углемъ, закупленнымъ за границей, но до эвакуаціи успѣли придти лишь норвежскій пароходъ „Модвигъ", итальянскій „Корвинъ" и русскій „Араратъ". Въ Севастополѣ суда грузились оставшимся еще на складахъ въ Киленъ-Бухтѣ, и съ пришедшихъ пароходовъ. Въ Феодосію уголь былъ посланъ на пароходѣ „Аскольдъ", а въ Керчь на „Алкивіадисѣ", „Фениксѣ" и „Дыхтау".

27-го октября Командующимъ Флотомъ были назначены въ порты посадки Старшіе Морскіе Начальники, коимъ были даны соотвѣтствующія инструкціи на случай эвакуаціи. Въ Евпаторію былъ назначенъ контръ-адмиралъ Клыковъ, въ Ялту — комендантъ порта контръ-адмиралъ Левицкій, въ Феодосію — капитанъ 1 ранга Федяевскій и въ

Керчь — Начальникъ 2-го Отряда Судовъ контръ-адмиралъ Беренсъ.

Инструкціи отъ 27-го октября за № 0055||оп.(секр.), данныя Старшимъ Морскимъ Начальникамъ, въ общихъ чертахъ гласили: — Отходъ нашихъ войскъ на линію перекопскихъ укрѣпленій заставляетъ срочно предусмотрѣть вопросъ объ эвакуаціи Крымскаго полуострова, если нашимъ войскамъ не удастся удержать натискъ войскъ противника. Рѣшеніе этого вопроса должно послѣдовать въ самые ближайшіе дни, т. к., если развертываніе нашихъ силъ удастся совершить въ указанный директивой срокъ и непріятель понесетъ серьзныя потери при попыткѣ форсированія нашихъ укрѣпленій, то, естественно, мы будемъ удерживать Крымъ и на болѣе долгое будущее. Въ настоящее время противникъ стягиваетъ на нашъ фронтъ до 8-ми армій и усиливаетъ ихъ всѣми коммунистическими отрядами и организаціями.

Главнокомандующій полагаетъ, что численность нашихъ войскъ и качество укрѣпленій вполнѣ обезпечиваютъ успѣшную оборону. Весь вопросъ въ моральномъ состояніи нашихъ войскъ и войскъ противника. Посему мы должны предусмотрѣть и случай прорыва нашихъ оборонительныхъ линій противникомъ. Для возможной эвакуаціи назначаются слѣдующія суда (слѣдуетъ перечень). Затѣмъ указывается цифра предполагаемыхъ къ эвакуаціи людей, дается указаніе по распредѣленію оперативнаго запаса угля. Далѣе слѣдуетъ: — Эвакуировать согласно приказанія Главнокомандующаго надлежитъ только войсковыя части съ оружіемъ въ рукахъ, съ патронами, но безъ лошадей и тяжелыхъ грузовъ. Семьи офицеровъ должны слѣдовать на судахъ съ своими главами семействъ. Установить срочно съ Начальникомъ Гарнизона точное число правительственныхъ и гражданскихъ лицъ, подлежащихъ эвакуаціи, но число таковыхъ не должно превышать одной тысячи человѣкъ, вслѣдствіе и безъ того малаго тоннажа. Принять всѣ мѣры, дабы буксирныя средства и особенно транспорты, въ данный моментъ оказались бы дѣйствующими (самовольный уходъ командъ и т. п.). Эвакуація предполагается первымъ этапомъ на Константинополь. Слѣдуетъ помнить, что если прорывъ фронта произойдетъ, то вся связь по проводамъ съ Севастополемъ будетъ нарушена, и всѣ вопросы должны быть обсуждены заранѣе. Необходимо всѣхъ предупредить, что помощи со стороны союзниковъ, въ смыслѣ пропитанія (пайки, обмундированіе) никому оказано не будетъ и каждый долженъ разсчитывать исключительно на свои средства и свое имущество. Командующій Флотомъ и Главнокомандующій предполагаютъ быть на крейсерѣ „Корниловъ". Необходимо принять всѣ мѣры къ самой тщательной экономіи, такъ какъ переходъ будетъ очень большой и возможны очень бурныя погоды. Такимъ обра-

зомъ, внѣ зависимости отъ того, будетъ или не будетъ эвакуація, означенный вопросъ долженъ быть обсужденъ въ порядкѣ глубокой конфиденціальности съ должностными лицами и заданіе должно быть готово къ выполненію по полученію телеграфнаго увѣдомленія. Эвакуація поручается Старшему Морскому Начальнику въ тѣсной связи съ сухопутнымъ командованіемъ, для чего надлежитъ войти въ связь съ Начальникомъ Гарнизона или старшимъ начальникомъ. Объ эвакуаціи, если она будетъ вынуждена, Старшіе Морскіе Начальники будутъ предупреждены за 3-4 сутокъ. Все вышеизложенное считать конфиденціальными свѣдѣніями, доступными самому ограниченному числу лицъ, т. к. возможно, что операція, о которой идетъ рѣчь, и не будетъ выполнена за ненадобностью.

Указанныя цифры, въ силу обстановки, могутъ быть измѣнены, но вѣроятно въ сторону уменьшенія.

27-го октября Главнымъ Командованіемъ подготовка эвакуаціи въ Керчи была возложена на генерала Зигель, а въ прочихъ портахъ Крыма на генерала Скалонъ. Въ предписаніи (за № 0010176) этимъ генераламъ указывалось: какія суда будутъ находиться въ портахъ посадки, что, съ прибытіемъ Командарм 2 въ Керчь, Комкор Кубанскаго въ Феодосію, Комкор Коннаго въ Ялту и Начдив той же дивизіи 1-го корпуса, которая будетъ назначена для посадки въ Евпаторію — въ послѣдній пунктъ — вся полнота власти въ раіонѣ указанныхъ портовъ переходитъ соотвѣтственно въ ихъ руки, въ Севастополѣ вся власть остается у генерала Скалона. Далѣе предписывалось генераламъ Зигель и Скалонъ, совмѣстно съ представителями флота, распредѣлить пристани, намѣтить пути движенія къ нимъ войскъ, выработать мѣры охраны портовъ, транспортовъ и внѣшняго прикрытія погрузки. Помочь Начальнику Снабженія погрузить все необходимое, формируя, если нужно, офицерскія артели. Принять мѣры къ удаленію изъ портовъ элемента неподлежащаго погрузкѣ (запасныя части). Разработку указанныхъ вопросовъ надлежало производить въ самомъ секретномъ порядкѣ, дабы не вызвать паники, для которой нѣтъ основаній. Для охраны южнаго берега Крыма отъ бандъ зеленыхъ, нападавшихъ на береговыя селенія, 27-го октября Командующимъ Флотомъ были посланы въ крейсерство вдоль южнаго берега подводныя лодки „Утка" и „АГ-22". Въ Феодосію, для прикрытія, въ случаѣ приближенія зеленыхъ, была послана канонерская лодка „Кавказъ". Того же 27-го октября прибылъ изъ Константинополя ледоколъ „Илья Муромецъ" и транспортъ „Якутъ", послѣдній изъ Владивостока съ гардемаринами. Для погрузки припасовъ, снабженія и медикаментовъ Командующимъ Флотомъ были предо-

ставлены трюмы транспортовъ: въ Феодосіи — „Донъ" на 250 тысячъ пудовъ, а въ Севастополѣ — „Херсонесъ" и „Дообъ", каждый на 70 тысячъ пудовъ. На эти транспорты по распоряженію Главнокомандующаго было приказано грузить: на „Донъ" 30 тысячъ пудовъ медикаментовъ, остальной грузъ — Начальника Снабженія, — коему надлежало погрузить весь наличный запасъ исправныхъ винтовокъ, къ нимъ запасъ патроновъ, 10 орудій съ запасомъ снарядовъ, продовольствіе (консервы, солонина, мука, соль, чай, сахаръ). Послѣ всего грузить обмундированіе.

Между тѣмъ событія на фронтѣ развивались быстро и не въ нашу пользу. Эвакуація стала неизбѣжной.

ЭВАКУАЦІЯ СЕВАСТОПОЛЯ

28-го октября почто-телеграммой за № 606||оп. сек., Командующій Флотомъ приказалъ поставить въ Севастополѣ транспорты и пароходы по нижеуказанной диспозиціи. Пароходы, не принявшіе еще назначеннаго имъ угля, предварительно погрузить углемъ, подводя для этого къ бортамъ пароходъ „Модигъ". У пристаней пароходамъ становиться съ расчетомъ сняться со швартововъ самостоятельно, безъ помощи буксировъ. Въ случаѣ эвакуаціи воинскія части и гражданскіе чины будутъ посажены, какъ указано.

Киленъ-Бухта — „Ялта", „Херсонъ" — 1-ый армейскій корпусъ.

У пристани: „Церера", „Ріонъ" — семьи офицеровъ Севастопольскаго гарнизона.

У артиллерійской мастерской: „Сарычъ" — 2-й армейскій корпусъ.

У Царской пристани: „Сіамъ" — больные и раненые офицеры и медицинскій персоналъ.

У пристани Родоканаки: „Дообъ" — продовольствіе Снаба.

У мундирныхъ магазиновъ: „Морякъ" — обмундированіе Снаба.

У моста: „Кронштадтъ" — морскіе офицеры и ихъ семьи.

У пристани Ропита: „Александръ Михайловичъ" — гражданскія власти.

У мундирныхъ магазиновъ: „Бештау" — продовольствіе Морского Управленія.

У лѣваго борта „Березани": „Якутъ" — Морское Управленіе.

У таможенной пристани: „Сежетъ" (французскій) — Военное управленіе, Сергіевское Училище и гарнизонъ.

У Царской пристани: „Сфинксъ" (греческій) — населеніе.

На рейдѣ: „Модигъ" (норвежскій) — населеніе.

На рейдѣ: „Херсонесъ" — Артскладъ — груженъ.

На рейдѣ: „Инкерманъ" — груженъ.

На рейдѣ (пока): „Саратовъ" — (предположенъ въ Ялту).

У Артиллерійской бухты: „Кіевъ", „Рузскій", „Неожиданный", парусно-моторныя шхуны „Леватосъ" и другія.

Артилерійская бухта: „Псезуапе", „Заря", „Румянцевъ".

29-го оперативная сводка Штаба Главнокомандующаго гласила: — Керченскій районъ: спокойно. Сивашско-Перекопскій фронтъ: въ районѣ Чонгарскаго моста красные переправились на нашъ берегъ и ведутъ наступленіе по Тюбъ-Джанкойскому полуострову. Въ районѣ Сивашскихъ озеръ наша конница отбила наступленіе красныхъ на правомъ флангѣ участка сѣверо-восточнѣе озера Кіятскаго, на лѣвомъ флангѣ красные заняли Юшунь. Бой съ крупными силами противника къ югу и юго-востоку отъ этого пункта продолжается.

Всѣ распоряженія по эвакуаціи начали приводиться въ исполненіе. Въ измѣненіе приказанія 28-го числа (№ 606 оп.) Командующій Флотомъ приказалъ: французскій пароходъ „Сіамъ" назначить для 1-го армейскаго корпуса, вмѣсто транспорта „Ялта", поставивъ его къ пристани въ Киленъ-Бухтѣ. Транспортъ „Ялта" назначить для раненыхъ, больныхъ офицеровъ и медицинскаго персонала, оставивъ его въ Южной бухтѣ у угольнаго склада Гортопа, гдѣ произвести посадку раненыхъ и больныхъ офицеровъ и охотниковъ.

29-го октября Командующимъ Флотомъ были отданы слѣдующія приказанія:

Къ 18 час. 31-го октября судамъ стать по диспозиціи.

Крейсеръ „Корниловъ" въ Южной бухтѣ на мѣстѣ его настоящей стоянки.

Лин. кор. „Генералъ Алексѣевъ" на рейдѣ на бочкахъ № 3 и 5.

Вспом. крейсеръ „Алмазъ" на рейдѣ на бочкѣ № 17.

Пос. судно „Якутъ" у минной пристани и СК1.

„ „ „Лукуллъ" у минной пристани и СК8.

Эск. мин. „Пылкій" (брейдъ-вымпелъ Наминбрига) въ Южной бухтѣ противъ минной пристани.

Эск. мин. „Звонкій" у транспорта „Ялта".

Подв. лодка „Буревѣстникъ" въ кильватеръ эск. мин. „Пылкій".

„ „ „Тюлень" съ праваго борта крейсера „Ген. Корниловъ".

„ „ „Утка" съ лѣваго борта лин. кор. „Ген. Алексѣевъ".

Воор. ледоколъ „Гайдамакъ" съ праваго борта лин. кор. „Ген. Алексѣевъ".

2) — Мой флагъ поднять на крейсерѣ „Ген. Корниловъ" въ 0 ч. 29-го окт.

3) — Пос. судну „Якутъ" быть репетичнымъ кораблемъ.

4) — Лин. кор. „Ген. Алексѣевъ" (на палубѣ 2 гидро, СК5 и СК7) и судамъ въ Южной бухтѣ стать носами къ выходу въ море.

5) — Судамъ быть готовымъ къ дѣйствію артиллеріи, имѣя дежурными орудія средняго калибра.

6) — Судамъ стоять безъ паровъ, въ 12 час. готовности, время разводки паровъ будетъ указано сигналомъ.

7) — Усилить сигнальную вахту, ведя наблюденіе за берегомъ.

8) — Эск. мин. „Жаркій", „Гнѣвный" и „Кап. Сакенъ" распоряженіемъ Наминбрига вывести на рейдъ на бочку № 4, приготовивъ ихъ для перехода на буксирѣ.

9) — Моему походному штабу перейти на крейс. „Ген. Корниловъ" къ 22 час. 29-го октября.

Затѣмъ было сдѣлано распоряженіе относительно буксировки неисправныхъ миноносцевъ, а именно:

транспортъ	„Кронштадтъ"	буксируетъ	эск. мин.	„Жаркій"
„	„Ріонъ"	„	„ „	„Звонкій"
„	„Ялта"	„	„ „ .	„Кап. Сакенъ"

Плавучія средства порта начали разстановку по указанной диспозиціи транспортовъ, пароходовъ и военныхъ судовъ. 29-го октября Командующему Флотомъ Штабомъ Главкома были препровождены для свѣдѣнія двѣ телеграммы Командующаго 1-й арміей, въ которыхъ Командарм приказывалъ командировать по пяти распорядительныхъ штабъ-офицеровъ отъ каждой дивизіи: Донскому корпусу въ Керчь къ генералу Зигель, 1-му корпусу отъ Марковцевъ и Дроздовцевъ въ Севастополь къ генералу Скалонъ и отъ Корниловцевъ въ Евпаторію къ Компорту. Конному корпусу въ Ялту къ Компорту. Всѣмъ командируемымъ въ основаніе предписать указать телеграмму Наштаглава № 0010188. Объ исполненіи донести. Кутеповъ.

Вторая телеграмма Командарм 1 гласила: — 10188. Первое: въ виду близости противника срокъ готовности транспортовъ въ Евпаторіи и Севастополѣ долженъ быть раньше Керчи и Феодосіи. Второе — наибольшее скопленіе будетъ въ Севастополѣ, куда возможно инстинктивно ринется масса войскъ и семей, остановить которыя едва ли удастся. Третье — ввиду возможности порчи судовъ необходимъ резервъ судовъ въ Севастополѣ. Четвертое — прошу указать представителей генерала Скалона въ Севастополѣ, Феодосіи, Ялтѣ и Евпаторіи. Пятое — назначенныхъ судовъ, особенно въ Севастополѣ, будетъ недостоточно.

Собственно говоря, въ Севастополѣ транспортовъ было достаточно, во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ обстоялъ тамъ лучше, чѣмъ въ другихъ портахъ Крыма, и транспорты изъ Севастополя уходили далеко не такъ сильно нагруженными, чѣмъ, напримѣръ, изъ Феодосіи или Керчи. Но дѣло въ томъ, что еще 27-го числа общая цифра эвакуируемыхъ давалась 72 тысячи человѣкъ, для которыхъ тоннажа вполнѣ хватало, и никто не могъ даже вообразить, что въ концѣ концовъ, черезъ три дня, эта цифра достигнетъ болѣе 140 тысячъ. Когда началась посадка на суда, начиная съ больныхъ и раненыхъ, учрежденій, а также населенія, а затѣмъ начали подходить боевыя части съ фронта, пришлось дать дополнительные транспорты. Для 1-го корпуса былъ данъ еще „Саратовъ", для другихъ частей — „Лазаревъ", „Араратъ" и кромѣ того начали сажать также и на военныя суда.

Вмѣсто „Саратова" въ Ялту былъ направленъ вызванный изъ Константинополя пароходъ „Константинъ".

29-го октября началась посадка на суда. Не принявшіе еще уголь транспорты и военныя суда срочно принимали уголь, причемъ въ помощь судовымъ командамъ грузили уголь гардемарины и кадеты Морского Корпуса и особо сформированныя артели изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Кромѣ угля всѣ суда принимали изъ порта провизію на одинъ мѣсяцъ и различные матеріалы. Плавучія средства Порта работали безъ устали, какъ днемъ, такъ и ночью, переставляя суда по диспозиціи, подводя баржи съ углемъ и водой. Рабочіе порта не прекращали работъ до вечера 30-го, продолжая работать по срочному изготовленію неисправныхъ судовъ къ походу. Отношеніе рабочихъ до конца было самое лояльное. Когда былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго за № 3754, гласившій, что раньше чѣмъ рѣшиться на эвакуацію, каждый человѣкъ долженъ обдумать этотъ вопросъ, т. к. впереди полная неизвѣстность, а помощи ждать неоткуда, часть командъ и нѣкоторые офицеры Корпуса Корабельныхъ Офицеровъ на многихъ судахъ начали просить о списаніи, нѣкоторые же уходили самовольно, но въ общемъ отношеніе ихъ къ эвакуирующимся оставалось вполнѣ лояльнымъ и доброжелательнымъ, причемъ эти остающіяся въ Севастополѣ команды до послѣдняго почти момента работали на своихъ судахъ, помогая погрузкамъ. 30-го октября Командующій Флотомъ послалъ слѣдующую срочную телеграмму за № 0063:

„Генералу Кутепову, генералу Абрамову, Комкору Коннаго, Начдиву Кубанскаго и Комкору Донского. Пароходы для войскъ поставлены по портамъ согласно директивамъ Главкома. Эвакуація можетъ быть обезпечена только если: на Севастополь выступятъ первый и второй

корпуса, на Ялту конный корпусъ, на Феодосію кубанцы и на Керчь донцы. Если же войска будутъ отступать не по дислокаціи, то никого не увезти. Убѣдительно прошу выполнить дислокацію и дать флоту возможность исполнить свой долгъ передъ арміей. Командующій Флотомъ Адмиралъ Кедровъ."

Кромѣ людей на транспорта грузились, а частью были погружены раньше слѣдующіе грузы: на „Ріонъ" 5500 тоннъ мануфактуры, кожи и обуви; на „Инкерманъ" — полный грузъ желѣза; на „Бештау" — бязь, сукно, кожа Морского Вѣдомства, а также сукно, бумазея, обувь, часть обмундированія Военнаго Вѣдомства; на „Херсонесъ" — 30000 пуд. снарядовъ и 7500 пуд. латунныхъ трубокъ; на „Адмиралъ Каширининовъ" — бензинъ, на „Лазаревъ" — соль, на „Дообъ" — продовольственные грузы Снаба, на „Истріанъ" — 5000 пуд. пшеницы и ячменя, на „Аджадеръ" — 5000 пуд. пшеницы.

30-го же октября Главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ: № 2193. Приказываю военнымъ и коммерческимъ судамъ Русскаго Флота при входѣ въ Босфоръ и другіе иностранные порты — поднять на форъ-стенгѣ французскій флагъ въ знакъ того, что я отдаю бѣженцевъ, армію и флотъ подъ покровительство нашего союзника — Франціи.

Въ этотъ же день Командующимъ Флотомъ были отданы слѣдующіе два приказа: № 0069. Въ случаѣ попытокъ большевиковъ обстрѣливать наши суда артиллерійскимъ огнемъ и тѣмъ создать препятствіе къ выходу нашихъ судовъ, приказываю обстрѣливать расположеніе красныхъ батарей, если онѣ расположены внѣ города. Въ противномъ случаѣ открывать огонь исключительно по моему приказанію.

№0070. Подходъ непріятеля къ Севастополю можно ожидать не ранѣе послѣзавтрашняго дня, но имѣются агентурныя свѣдѣнія, что банды Мокроусова намѣрены подойти къ Севастополю, обстрѣлять городъ и суда. О чемъ сообщается для предупрежденія могущей быть паники.

Въ этотъ же день было приказано на всѣхъ судахъ, впредь до выхода въ море, закрыть радіотелеграфныя рубки, поставивъ къ нимъ часовыхъ. Но все было тихо и спокойно, какъ въ городѣ, такъ и на окраинахъ, и эвакуація протекала спокойно и организованно. Посадка войскъ на суда шла безъ всякихъ помѣхъ. Когда начали прибывать въ Севастополь части 1-го и 2-го корпусовъ, то для руководства морской частью посадки этихъ войскъ на транспорты былъ назначенъ кап. 1 р. Собецкій, которому Командующимъ Флотомъ была дана слѣдующая инструкція:

— Предлагаю Вамъ поставить въ извѣстность старшихъ начальниковъ сухопутныхъ частей, назначенныхъ къ посадкѣ на транспорты „Херсонъ", „Саратовъ" и „Сарычъ", и напомнить комендантамъ — флотскимъ офицерамъ, назначеннымъ мною: 1) — Распредѣленіе частей по пароходамъ производитъ по указанію сухопутныхъ начальниковъ. 2) — Количество людей, могущихъ быть принятыми, опредѣляется морскимъ комендантомъ транспорта. 3) — Комендантамъ транспортовъ принимать самое максимальное количество людей на пароходы. 4) — Пароходамъ не отходить отъ пристани до пріема самаго полнаго числа людей. 5) — Общее руководство морской частью посадки поручено Вамъ и въ этомъ Вамъ подчинены всѣ чины, садящіеся на транспорты. 6) — Моментъ отхода транспортовъ опредѣляется исключительно Вами, подъ Вашу отвѣтственность. 7) — Объявить начальникамъ, что въ случаѣ приближенія красныхъ къ мѣсту посадки я, огнемъ судовой артиллеріи буду поддерживать и обезпечивать посадку. 8) — Для связи со мною разрѣшаю Вамъ открыть радіорубку „Херсона" и поставить у нея караулъ. Радіотелеграммы на рейдѣ могутъ даваться исключительно Вами. 9) — Главкомъ приказалъ объявить начальникамъ, что неисполненіе порядка будетъ караться полнотой власти. 10) — Вамъ и командѣ катера „Кіевъ" сѣсть на транспортъ „Херсонъ". 31 октября № 44104.

30-го октября Генквармглав извѣстилъ Штабъ Флота, что наши части оставили юшунскія позиціи, почему надобности въ присутствіи нашихъ судовъ въ Каркинитскомъ заливѣ не встрѣчается. Ближайшей задачей флота въ сѣверо-западной части Чернаго моря — прикрытъ погрузку нашихъ войскъ въ Евпаторіи. Поэтому, кан. лодка „Альма" вернулась въ Севастополь и, ввиду плохого состоянія ея котла, Штабомъ Флота было приказано командиру лодки снять замки съ орудій, привести машину и котелъ въ состояніе полной непригодности къ дѣйствію, перевести затѣмъ лодку къ берегу въ Южную бухту, послѣ чего командиру съ личнымъ составомъ перейти на крейсеръ „Ген. Корниловъ". Приказаніе это было исполнено командиромъ, и 31 числа лодка была затоплена у берега.

31-го октября рано утромъ вернулась въ Севастополь подводная лодка „АГ-22". Такъ какъ въ этотъ день уже нагруженные транспорты начали выходить въ море, то Штабъ Флота, принимая мѣры предосторожности при переходѣ сильно груженныхъ, а нѣкоторыхъ и не вполнѣ исправныхъ судовъ, приказалъ Начальнику Морского Транспорта не отправлять транспорты и пароходы по одному, по мѣрѣ ихъ готовности, а обязательно группами — по три или больше. Въ этотъ день, для охраны посадки на суда, стоявшія въ Киленъ-бухтѣ, былъ поставленъ на

Большомъ рейдѣ противъ этой бухты эск. мин. „Пылкій", которому вмѣнялось, въ случаѣ появленія непріятеля отъ Инкермана, обстрѣливать эту долину. Транспорты, по мѣрѣ пріема максимального количества людей, отходили отъ пристаней и слѣдовали за боны, гдѣ остановились въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній на якорь, либо слѣдовали по группамъ въ море. Транспорту „Морякъ" было приказано, передавъ своихъ пассажировъ на „Бештау", стать къ утру 1-го ноября у Инженерной пристани, гдѣ принимать наши части, отступавшія на Сѣверную сторону. Для воспрепятствованія красной конницѣ, въ случаѣ ея появленія въ районѣ Сѣверной стороны, съ цѣлью мѣшать погрузкѣ и выходу судовъ, Штабомъ Флота было приказано Наминбригу на эск. мин. „Пылкій" къ 8 час. утра 1-го ноября выйти изъ Севастополя и стать на якорь противъ устья рѣки Бельбекъ для наблюденія и обстрѣла долины Бельбекъ и подходовъ къ Сѣверной сторонѣ, находясь въ радіосвязи съ крейсеромъ „Ген. Корниловъ".

1-го же ноября пришло изъ Константинополя, совершившее переходъ изъ Ревеля, послѣ ликвидаціи арміи генерала Юденича, посыльное судно „Китобой". „Китобой", прямо съ моря былъ посланъ въ Стрѣлецкую бухту снимать оттуда войска и перевозить ихъ на эск. мин. „Гнѣвный". Въ этой бухтѣ для охраны огнесклада и снятія въ послѣдній моментъ обслуживающій его персоналъ находились буксиры „Бельбекъ" и „Тайфунъ".

1-го ноября послѣ полдня всѣ суда вышли за боны. Въ Севастополѣ было оставлено всего нѣсколько никуда негодныхъ мелкихъ судовъ: двѣ старыя канонерскія лодки „Терецъ" и „Кубанецъ", находившіяся въ капитальномъ ремонтѣ, старый транспортъ „Дунай", подорванныя на минахъ въ Азовскомъ морѣ паровыя шхуны „Латай" и „Волга" и старыя суда съ испорченными механизмами, не имѣвшія абсолютно никакого значенія и не могущія быть использованы даже для перевозки людей. Все же остальное, что только могло мало-мальски держаться на водѣ — ушло.

Послѣ того какъ послѣдній солдатъ былъ посаженъ на корабль и въ Севастополѣ больше военныхъ частей не оставалось, въ 14 ч. 50 м. прибылъ съ Графской пристани на крейсеръ „Генералъ Корниловъ" Главнокомандующій генералъ Врангель въ сопровожденіи ближайшихъ чиновъ своего штаба и отдалъ приказаніе сниматься съ якоря.

Въ 15 ч. крейсеръ снялся съ бочки подъ флагомъ Главнокомандующаго, имѣя на борту Штабъ Главкома, Штабъ Командующаго Флотомъ, особую часть Штаба Флота, Государственный Банкъ, семьи офицеровъ и команды крейсера и пассажировъ — всего въ количествѣ 500 чел.

Въ 16 ч. крейсеръ сталъ на якорь у Стрѣлецкой бухты. Въ это время въ Стрѣлецкой бухтѣ находилось нѣсколько транспортовъ, кончавшихъ погрузку послѣднихъ воинскихъ частей. Нѣсколько транспортовъ и военныхъ судовъ стояли на якорѣ въ морѣ. Постепенно, согласно получаемымъ инструкціямъ, корабли снимались и уходили в море. Порядокъ выхода судовъ изъ Севастополя и количество людей ими принятое (цифры даны насколько точно можно было выяснить) — слѣдующіе:

30-го октября:

Въ 21 ч. трансп. „Ялта" — 2000 чел., изъ нихъ 900 больныхъ, имѣя на буксирѣ неисправный эск. мин. „Кап. Сакенъ" — 19 чел. Ночью, п/х. „Румынія" — 51 чел., на буксирѣ п/х. „Адмиралъ Кашерининовъ".

31-го октября:

2 ч. п/х. „Кіевъ", на буксирѣ п/х. „Ген. Рузскій". 9 ч. 20 м. трансп. „Ріонъ" — 8500 чел., на буксирѣ неисправный эск. мин. „Звонкій" — 19 чел.; 18 ч. трансп. „Сіямъ" — 3600 чел., пар. шх. „Истріанъ" — 106 чел.; 18 ч. 20 м. вспом. крейс. „Алмазъ" — 478 чел., изъ нихъ 78 раненыхъ. 20 ч. трансп. „Инкерманъ" — 868 чел., 20 ч. 30 м. трансп. „Кронштадтъ" — 3477 чел., на буксирѣ неисправный эск. мин. „Жаркій", катеръ СК-3, СК-8, „Кречетъ" и яхту „Забава". 22 ч. 15 м. лин. кор. „Ген. Алексѣевъ" — Морской Корпусъ, Атаманское Училище и бѣженцы, всего 2086 чел., трансп. „Сежетъ" — 3505 чел., п/х. „Румянцевъ", 350 раненыхъ и больныхъ.

1-го ноября:

6 ч. п/х. „Модигъ" — 604 чел., 9 ч. пос. суд. „Якутъ" — Морское Управленіе, Кавалерійское Училище — всего 299 чел., на буксирѣ катера „Кап. II р. Медвѣдевъ" — 60 чел. и „Крымъ". 10 ч. букс. спас. п/х. „Черноморъ" — 34 чел., на буксирѣ трансп. „Сарычъ" — 4500 чел.; п/х. „Дообъ" — 271 чел. 10 ч. 30 м. Дивизіонъ подв. лодокъ въ составѣ: база — п/х. „Заря", брейдъ вымпелъ Начальника дивизіона — 34 чел. лодки „Буревѣстникъ" — 39 чел., „Утка" — 28 чел., „Тюлень" — 15 чел. и „АГ-22". 14 ч. п/х. „Бештау" — 960 чел., 16 ч. п/х. „Лазаревъ" — 1200 чел. Днемъ п/х. „Алекс-дръ Михайловичъ" — 743 чел., лед. „Илья Муромецъ" — 300 чел., на буксирѣ лин. кор. „Георгій Побѣдоносецъ" — 3400 чел., эск. мин. „Цериго" — 290 чел. и п/х. „Острожный" — 22 чел. 19 ч. 30 м. п/х. „Саратовъ" — 7350 чел., на буксирѣ катера „Лазаръ Кирьяко" и „Севастополь". 20 ч. гидрогр. судно „Казбекъ" — 358 чел., на буксирѣ тральщикъ „Бакланъ" — 58 чел., п/х. „Херсонесъ" — 764 чел., на буксирѣ тральщикъ „Березань" — 26 чел., трансп. „Морякъ" — 2700 чел., трансп. „Араратъ" — 2030 чел., пар.

шх. „Аджадеръ" — 230 чел. на буксирѣ пар. шх. „Лебедь" — 147 чел: 23 ч. 10 м. п/х. „Херсонъ" — 7200 чел., на буксирѣ кат. „Тайфунъ" — 250 чел. и баржа. П/с. „Китобой" — п/с. „Лукуллъ" — 106 чел., буксиры „Ипполай" — 36 чел., „Бельбекъ" — 35 чел., „Атаманъ Калединъ" — 110 чел., п/х. „Неожиданный", пар. шх. „Сурожъ" — 320 чел., „Петръ" — 34 чел., „Донецъ" — 12 чел., „Орликъ" — 54 чел. и нѣсколько мелкихъ парусно-моторныхъ и парусныхъ шхунъ.

2-го ноября:

Букс. „Голландъ", на буксирѣ эск. мин. „Гнѣвный" — 1015 чел. и катеръ „Днѣпровецъ", — 44 чел., 2 ч. 30 м. буксиръ „Смѣлый" — 59 чел. и вооруж. лед. „Гайдамакъ" — 60 чел.

Кромѣ перечисленныхъ судовъ изъ Севастополя вышли слѣдующія иностранныя военныя и торговыя суда, обходившія порты Крыма и забиравшія своихъ подданныхъ, а также и нѣкоторое количество русскихъ: Америк. п/х. „Фараби" — 821 чел., греч. п/ды „Сфинксъ" — 214 чел. и „Кенкенъ" — 104 чел., франц. п/х. „Текла-Боленъ" — 546 чел., итальянск. п/х. „Глорія" — 66 чел. и польскій п/х. „Полонія" — 921 чел.

Англійскіе миноносцы: „Шемрокъ" — 30 чел., „Торчъ" — 200 чел. и „Серафъ" — 300 чел.

Американскіе миноносцы: № 236, 216 и 217 — всего 42 чел. и военная яхта „Скорпіонъ" — 650 чел.

Изъ французскихъ военныхъ судовъ были: крейсеръ „Вальдекъ Руссо", миноносецъ „Альджерьенъ" и нѣсколько посыльныхъ судовъ.

2-го ноября, въ 2 ч. 30 м., когда послѣдній корабль вышелъ изъ Севастополя въ море, крейсеръ „Ген. Корниловъ" снялся съ якоря и пошелъ въ Ялту, куда прибылъ въ 9 ч. 50 м. и сталъ на якорь на внѣшнемъ рейдѣ. Главнокомандующій съ Начальникомъ Штаба Флота контръ-адмираломъ Машуковымъ съѣхали на берегъ къ мѣсту посадки войскъ и, убѣдившись что посадка заканчивается и протекаетъ планомѣрно, вернулись на крейсеръ. Въ полдень, совмѣстно съ ледоколомъ „Гайдамакъ", вышедшимъ изъ Ялтинской гавани, крейсеръ снялся съ якоря и легъ на Феодосію.

Въ морѣ былъ встрѣченъ идущій изъ Феодосіи съ войсками транспортъ „Донъ". Крейсеръ и „Донъ" въ 16 ч. застопорили машины и Главнокомандующій съ Начальникомъ Штаба Флота поѣхали на „Донъ". По возвращеніи Главнокомандующаго, „Генералъ Корниловъ" продолжалъ слѣдовать въ Феодосію. 3-го ноября въ 7 ч. Начальникъ Штаба Флота перешелъ съ крейсера на ледоколъ „Гайдамакъ" и пошелъ въ Керчь, а крейсеръ въ 9 ч. 20 м. сталъ на якорь въ Феодосійскомъ заливѣ, гдѣ на-

ходились также французскій крейсеръ „Вальдекъ Руссо" и посыльное судно. Въ 14 ч. „Вальдекъ Руссо", снимаясь съ якоря, произвелъ салютъ въ 21 выстрѣлъ, на что „Генералъ Корниловъ" отвѣтилъ тѣмъ же числомъ выстрѣловъ. Это былъ послѣдній салютъ Русскому флагу въ русскихъ водахъ.

4-го ноября въ 3 ч. 40 м., по возвращеніи изъ Керчи ледокола „Гайдамакъ" съ Наштафлотомъ, „Генералъ Корниловъ", совмѣстно съ „Гайдамакомъ" и французскимъ миноносцемъ „Альжерьенъ", присланнымъ въ распоряженіе Главнокомандующаго, снялся съ якоря и пошелъ въ Константинополь. Въ полночь на 6-е ноября крейсеръ вошелъ въ Босфоръ и сталъ на якорь въ Буюкъ-Дере, а на слѣдующее утро перешелъ въ Константинополь и сталъ, по указанію французскаго адмирала, на якорь на рейдѣ Мода.

Всѣ вышедшія изъ Севастополя суда благополучно достигли Константинополя.Было нѣсколько задержекъ въ морѣ, какъ напримѣръ, съ „Ріономъ", которому нехватило угля и его, уже недалеко отъ Босфора, пришлось взять на буксиръ англійскому или американскому крейсеру. Шедшій у „Ріона" на буксирѣ эск. мин. „Звонкій" былъ взятъ на буксиръ тральщикомъ „Китобой". Выйдя въ море, транспортъ „Кронштадтъ" утопилъ ночью болгарскій пароходъ „Царь Борисъ". Было нѣсколько случаевъ что рвались буксиры, въ результатѣ чего транспортъ „Херсонъ" бросилъ баржу въ морѣ, снявъ предварительно съ нея всѣхъ людей, а транспортъ „Кронштадтъ" по той же причинѣ бросилъ катера: СК-3, СК-8, „Кречетъ" и яхту „Забава", тоже пересадивъ съ нихъ всѣхъ людей къ себѣ. Почти на всѣхъ судахъ, по выходѣ въ море, пришлось судовому начальству доукомплектовать свою команду, вмѣсто оставшейся въ Севастополѣ, людьми изъ войсковыхъ частей и пассажировъ. Особенно нехватало кочегаровъ и, напримѣръ, лин. кор. „Генералъ Алексѣевъ" вышелъ изъ Севастополя, имѣя всего 8 настоящихъ кочегаровъ. Не всегда, поэтому, удавалось держать должное давленіе въ котлахъ, паръ садился, иногда кто-нибудь останавливался на время, но въ концѣ концовъ справлялись и съ этими недостатками и не потерявъ ни одного человѣка, всѣ благополучно вошли въ Босфоръ, чему особенно благопріятствовала и погода, т. к. въ морѣ былъ почти штиль.

Продолженіе слѣдуетъ.

С. Л. Трухачевъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПЕРЕХОДЪ УЧЕБНАГО СУДНА „СКОБЕЛЕВЪ"

Учебное судно „Скобелевъ" было спущено на воду въ 1862 г. и первоначально называлось „Витязь". Это былъ корветъ въ 2500 т. водоизмѣщеніемъ, смѣшанной постройки, т. е. имѣлъ желѣзный наборъ и деревянную обшивку. Хорошій для своего времени ходокъ, онъ имѣлъ тронковую машину, впослѣдствіи поставленную на броненосецъ береговой обороны „Не тронь меня". Въ 1882 г. онъ былъ тимберованъ и переименованъ въ „Скобелевъ" въ честь скончавшагося въ томъ году Бѣлаго Генерала. Въ томъ же году онъ ушелъ на Дальній Востокъ а по возвращеніи замѣнилъ въ кадетскомъ отрядѣ сданный къ порту фрегатъ „Аскольдъ", при чемъ ему придали полное фрегатское вооруженіе.

Я плавалъ на немъ кадетомъ I-ой роты въ 1893 году и послѣдній мѣсяцъ гардемариномъ въ 1894 г. Въ этомъ же году, за недостаткомъ судовъ въ кадетскомъ отрядѣ гардемарины были расписаны по судамъ практической эскадры, а именно: на „Петръ Великій", на „Императоръ Александръ II" и на „Дмитрій Донской", и только по окончаніи кампаніи кадетскимъ отрядомъ насъ перевели на „Скобелевъ" для мѣсячнаго крейсерства подъ парусами. Въ мое время на „Скобелевѣ" была весьма разнообразная артиллерія, въ числѣ которой на шканцахъ стояли 2 - 6" орудія въ 35 калибровъ.

Въ 1894 г. личный составъ корвета былъ, какъ на подборъ, изъ удивительно спокойныхъ людей. Вотъ списокъ тѣхъ, кого я помню.

Командиръ — кап. 2 р. Баронъ Эвальдъ Антоновичъ Штакельбергъ,
Стар. офицеръ — кап. 2 р. Оскаръ Максимиліяновичъ Кубе,
1-й вахт. нач. — лейт. Петръ Дмитріевичъ Тыртовъ,
2-й вахт. нач. — лейт. Андрей Николаевичъ Ергольскій,
3-й вахт. нач. — мичм. Задонскій,
Ревизоръ — лейт. Фильковичъ,
Минный офиц. — лейт. Константинъ Федоровичъ Сталь,

Артил. офиц. — Корп. Морск. Артил. Михаилъ Николаевичъ Калисановъ.

Фамиліи Штурманскаго офицера не помню, онъ былъ штабсъ-капитанъ Корпуса Флотскихъ Штурмановъ.

Судовой механикъ — помощ. старш. инж. мех. — Николай Ивановичъ Столяровъ.

Фамиліи доктора я не помню.

Нельзя не упомянуть шкипера, стараго титулярнаго совѣтника Смуглова, который 10 сентября 1857 г. былъ свидѣтелемъ гибели „Лефорта„.

11 августа мы снялись съ якоря съ Малаго Кронштадскаго рейда и пошли въ крейсерство. По программѣ намъ надлежало находиться въ морѣ подъ парусами 5-6 сутокъ и сутки отдыха въ Либавѣ, гдѣ запасаться провизіей, водой, а въ случаѣ надобности и углемъ и т. п. Все шло гладко до 30 августа. Въ этотъ день подъ вечерь мы снялись съ якоря и пошли въ Кронштадтъ, куда должны были прійти 4 сентября. Погода была — маловѣтріе съ Норда. Запасъ угля былъ неполный, и командиръ расчитывалъ дойти подъ парами до параллели Финскаго залива, а тамъ вступить подъ паруса и продолжать путь въ полвѣтра, въ случаѣ же неблагопріятной перемѣны погоды дойти до Ревеля для пополненія запаса угля. Но 31 послѣ полдня появилась крупная зыбь съ Норда, которая все усиливалась. Перебои винта дошли до такихъ предѣловъ, что пришлось прекратить пары, поднять винтъ и вступить подъ паруса. Вѣтеръ все крѣпчалъ. 1 сентября утромъ убрали брамселя, а у мерселей взяли 4 рифа. Послѣ полдня спустили брамъ реи и брамъ стеньги. Въ 5-омъ часу стали налетать очень сильные шквалы съ дождемъ и крупой. Убрали марселя и остались подъ глухо зарифленнымъ кливеромъ, гротомъ и бизанью. Къ 8-ми часамъ совершенно разъяснило, луна свѣтила во всю, но вѣтеръ дошелъ уже до 11-ти балловъ. Мы шли правымъ галсомъ. Розмахи наблюдались 42 гр. подъ вѣтеръ и до 25 гр. на вѣтеръ. Корветъ черпалъ всѣмъ лѣвымъ бортомъ. Скоро стало замѣтно, что мачты въ пяртнерсахъ хлябаютъ, а крѣпленія шканечныхъ 6" пушекъ такъ сдали, что пришлось принайтовливать перлинями. Въ дѣйствительности мы не шли впередъ, а насъ сносило по направленію къ Борнгольму. Положеніе становилось критическимъ, и командиръ рѣшилъ повернуть и итти въ Либаву. Старшій офицеръ сильно протестовалъ противъ этого. У командира нервно задрыгала нога, но онъ спокойно отвѣтилъ: „Вы понимаете, что я не за себя боюсь, а что на моей отвѣтственности 63 молодыхъ офицера. Поворотъ удался съ трудомъ. Къ утру 2 сентября вѣтеръ сталъ стихать, и послѣ полдня стало возможно вступить подъ пары. Пошли въ Либаву. Въ ночь на 3-е сентября мы

встрѣтили лайбу съ поломанными мачтами. Она шла изъ Копенгагена безъ груза съ песочнымъ баластомъ и просила помощи. Мы взяли ее на буксиръ. 3 сентября мы пришли въ Либаву и немедленно приняли полный запасъ угля, разсчитывая 4-го утромъ сняться съ якоря и итти въ Кронштадтъ. Но не тутъ то было. 4-го съ утра погода такъ разбушевалась, что мы, стоя въ аванпортѣ на бочкѣ, отдали якорь, развели пары и спустили все дреколье, даже нижнія реи спустили на сѣтки. Наконецъ, къ утру 5-го, погода исправилась, мы снялись съ якоря и съ бочки и пошли подъ парами 10-ти узловымъ ходомъ въ Кронштадтъ, куда пришли въ 8-мъ часу утра 7-го. Черезъ часъ насъ ввели въ гавань, и немедленно прибылъ директоръ Корпуса вице-адмиралъ Арсеньевъ и экзаменаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Мессера.

Назначенная затѣмъ Главнымъ Командиромъ комиссія для освидѣтельствованія корвета сказала командиру: „Счастливъ вашъ богъ, что вы штормовали правымъ галсомъ, а не лѣвымъ".

Я вышелъ въ офицеры Черноморскаго флота, но черезъ два года въ октябрѣ 1896 г. былъ прикомандированъ къ Гвардейскому Экипажу, гдѣ уже служилъ баронъ Штакельбергъ, назначенный въ тотъ годъ командиромъ „Полярной Звѣзды", и К. Ф. Сталь. Когда я, по прикомандированіи, дѣлалъ офиціальные визиты и пришелъ къ Штакельбергу, онъ сразу задалъ мнѣ вопросъ: — Вы со мною на „Скобелевѣ" плавали? — Плавалъ, Баронъ. — И въ штормѣ были? — Былъ. — Ну, желая вамъ въ такой штормъ больше не попадаться! Мы разговорились. Я упомянулъ о хлябавшихъ мачтахъ и объ орудійныхъ крѣпленіяхъ. Баронъ возразилъ: — Это все пустяки, мачты можно было срубить, а пушки выкинуть за бортъ; было нѣчто уже, что знали только я, старшій офицеръ и судовой механикъ: у насъ тронулись котлы и водяныя систерны. Вотъ тутъ ужъ ничего сдѣлать было нельзя.

Придя въ каютъ-компанію, я встрѣтилъ К. Ф. Сталь и передалъ ему этотъ разговоръ, на что Сталь отвѣтилъ: — Онъ при встрѣчѣ тогдашнихъ соплавателей всѣмъ задаетъ тотъ же вопросъ.

А Баронъ Штакельбергъ былъ настоящій морской волкъ.

Въ 1894 году на крейсеръ „Память Азова", стоявшій въ Пиреѣ, было получено письмо, адресованное такъ:

„Получить такому-то. Клейстеръ Память Азова, страна гдѣ Русская королева царствуетъ".

Стар. лейт. К. фонъ Нотбекъ

НОВОЕ О СОВѢТСКОМЪ ФЛОТѢ

Новые авіаносцы. Весной этого года французскій журналъ Match впервые сообщилъ о закладкѣ двухъ большихъ авіаносцевъ въ Николаевѣ. Впослѣдствіи, это свѣдѣніе было подтверждено шведской газетой Aftonbladet, американской Evening Star, журналомъ U. S. Naval Institute Proceedings и извѣстнымъ морскимъ экспертомъ, капитаномъ Кулль, издателемъ Marinkalender и Sveriges Flotta.

Американскіе морскіе эксперты считаютъ, что постройка этихъ кораблей началась уже 12 - 18 мѣсяцевъ тому назадъ. Приблизительныя ихъ данныя: стандартное водоизмѣщеніе - 55000 тоннъ, машины — тюрбины въ 150000 силъ, наибольшая скорость — 35 узловъ, длина — 1000 фут. Такимъ образомъ, корабли эти весьма близко подходятъ къ американскимъ авіаносцамъ типа Forrestal. Предназначены они для флота Тихаго океана.

Въ началѣ февраля 1955 года совѣты въ Портъ Артурѣ передали Красному Китаю 100 военныхъ судовъ малаго водоизмѣщенія, въ томъ числѣ 10 подводныххъ лодокъ типа „М”, 6 конвойныхъ миноносцевъ (бывшихъ японскихъ) и нѣсколько тральщиковъ; остальныя суда — торпедные катера и дессантныя суда.

1 декабря 1954 года совѣты въ Кронштадтѣ передали Восточной Германіи 11 небольшихъ подводныхъ лодокъ германской постройки — 9 захваченныхъ въ восточной Германіи и 2 поднятыя въ Балтійскомъ морѣ. Для пріема этихъ лодокъ на транспортѣ изъ Ростока были присланы 285 германскихъ моряковъ, всѣ безъ исключенія бывшіе подводники германского флота и члены коммунистической партіи Восточной Германіи.

Суда Lend Lease. По договору Lend Lease совѣты получили отъ С. Ш. А. всего 585 судовъ. Изъ нихъ уже прежде были возвращены 27 фрегатовъ и 3 ледокола. Весной этого года въ государственномъ секретаріатѣ въ Вашингтонѣ, совѣтскимъ посломъ Зарубинымъ было подпи-

сано соглашеніе о передачѣ дальнѣйшихъ 118 судовъ — 62 въ Килѣ и 56 въ Японіи. Дѣйствительно, одинъ истребитель подв. лод. и 11 торпедныхъ катеровъ въ началѣ іюля были переданы американскимъ морскимъ властямъ въ Килѣ, остальные 5 истребителей и 45 торп. катеровъ должны были послѣдовать за ними въ ближайшемъ будущемъ.

Переданныя суда были въ самомъ плачевномъ состояніи — ржавыя, запущенныя, многіе приборы и часть вооруженія сняты. Видно было, что эти суда уже давно не находились въ плаваніи. Зарубинъ заявилъ, что изъ остальныхъ судовъ 147 погибли, 171 пришли въ негодность и 51 находятся въ „сомнительномъ состояніи". О судьбѣ недостающихъ 48 судовъ ничего не было сказано.

Изъ полученныхъ отъ Германіи судовъ, изъ списковъ судовъ флота исключены всѣ старые миноносцы, торпедные катера и часть тральщиковъ. Совѣты больше не нуждаются во всемъ этомъ старомъ хламѣ, имѣя достаточное количество судовъ собственной постройки.

Новые эск. миноносцы типа „С-2". Шведскіе и финскіе морскіе офицеры, подробно осмотрѣвшіе миноносцы этого типа въ Стокгольмѣ, Ленинградѣ и Гельсингфорсѣ, оцѣниваютъ ихъ водоизмѣщеніе въ 2300-2400 тоннъ, а не въ 1900 тоннъ, какъ указано въ справочникахъ. Первое гораздо лучше соотвѣтствуетъ, какъ ихъ размѣрамъ, такъ и ихъ исключительно тяжелому артиллерійскому и минному вооруженію. Всего построено миноносцевъ этого типа 58.

Появившіеся въ Балтійскомъ морѣ „flush-deckers, т. е. миноносцы, не имѣющіе возвышеннаго полубака, не новые эск. мин. русской постройки, а захваченные совѣтами и ими достроенные германскіе конвойные миноносцы типа „Т-40", такъ называемаго „Эльбинскаго" типа. Захвачены они были совѣтами въ недостроенномъ видѣ на заводѣ въ Шихау въ Эльбингѣ при занятіи восточной Германіи и, впослѣдствіи, достроены совѣтами и вооружены русскими пушками — 4-100 мм. въ ординарныхъ установкахъ, 4-37 мм. пр. а. въ двухъ парныхъ установкахъ и 3-21 дюм. минными аппаратами.

Какъ въ 1953 и 1954 г. г., и въ этомъ году отряды судовъ совѣтскаго флота появлялись въ иностранныхъ водахъ. 13 мая отрядъ судовъ Балтійскаго флота, въ составѣ двухъ новыхъ крейсеровъ типа „Свердловъ", съ отличительными номерами „64" и „65" *) (всѣ совѣтскіе военные суда имѣютъ теперь, по американскому образцу, отличительные номера бѣлаго цвѣта въ носовой части, вмѣсто прежнихъ отличительныхъ полосъ

*) „65" — по непровѣреннымъ еще датскимъ свѣдѣніямъ, имѣлъ названіе „Александръ Невскій".

на дымовыхъ трубахъ) и миноносцевъ 632, 635, 638 и 639*) прошелъ черезъ датскіе проливы, направляясь на Мурманскъ.

Морская и воздушная развѣдка американскаго 7-го Флота въ началѣ августа обнаружела отрядъ совѣтскихъ судовъ въ составѣ 4-хъ крейсеровъ и 8-ми эск. мин. у Вузунга (передъ Шанхаемъ).

Въ началѣ сентября эск. мин. Черноморскаго флота „Керчъ" посѣтилъ болгарскій портъ Варна. Этого миноносца нѣтъ ни въ одномъ изъ „прекрасно освѣдомленныхъ" справочниковъ. Судя по названію, онъ принадлежитъ къ типу „городовъ", т. е. предводителямъ флотилій типа „Ленинградъ".

Съ 12-го до 17-го октября въ Портсмутѣ гостилъ отрядъ судовъ совѣтскаго флота въ составѣ крейсеровъ „Свердловъ" (подъ флагомъ Командующаго Балтійскимъ флотомъ адмирала А. Г. Головко) и „Александръ Суворовъ" и эск. мин. „Совершенный", „Смѣтливый", „Смотрящій" и „Способный". „Александръ Суворовъ" однотипецъ со „Свердловымъ", спущенъ на воду въ концѣ 1953 года и до своего прохода черезъ датскіе проливы никому не былъ извѣстенъ, т. е. онъ появился для иностранныхъ морскихъ „экспертовъ" такимъ же сюпризомъ, какъ и всѣ другіе крейсера этого типа, начиная съ самаго „Свердлова".**) Это лишній разъ подтверждаетъ мое мнѣніе, что въ Балтійскомъ морѣ можно скрывать отъ взоровъ иностранныхъ наблюдателей не только отдѣльные корабли, но и цѣлыя эскадры. Вся южная часть Балтійскаго моря отъ Пиллау до Ленинграда изобилуетъ глубоководными заливами и бухтами, закрыта для плаванія иностранныхъ судовъ и два американскихъ и два шведскихъ военныхъ аэроплана, въ свое время попытавшихся „заблудиться" въ этомъ районѣ, преисправно были сбиты совѣтскими истребителями МИГ-15.

Какова „освѣдомительность" морскихъ справочниковъ явствуетъ изъ слѣдующаго случая. Вскорѣ послѣ выхода новѣйшаго тома Flottentaschenbuch, издатель его, отставной корветтенъ-капитанъ Александръ Бредтъ, съ которымъ меня связываетъ двадцатилѣтняя дружба, писалъ мнѣ: — „Я хорошо знаю, что 75 проц. моего списка совѣтскаго флота невѣрны, но что подѣлаешь, точныхъ свѣдѣній нѣтъ!.." — Похвальная самооцѣнка, вполнѣ отвѣчающая дѣйствительности! Во всякомъ

---

*) Авторомъ этихъ замѣтокъ изъ Даніи получены снимки этихъ миноносцевъ.

**) Впрочемъ, названіе „Суворовъ" помѣчено въ нѣкоторыхъ справочникахъ подъ вопросительнымъ знакомъ.

случаѣ, на основаніи данныхъ имѣющихся въ продажѣ морскихъ справочниковъ нельзя судить о современномъ состояніи морскихъ силъ Совѣтскаго Союза, ни, тѣмъ менѣе, дѣлать предположенія о будущемъ стратегическомъ примѣненіи этихъ силъ. Для этого нужны болѣе серіозные источники.

———о———

МОРСКАЯ СТАРИНА. ОСОБЫЯ НАГРАДЫ МОРСКИМ ОФИЦЕРАМЪ.

БАЛЬ, Романъ Платоновичъ.

1830 г. Командуя фрегатомъ „Александра", возвратился изъ Архипелага въ Кронштадтъ. „За отличный судовой порядокъ при Высочайшемъ посѣщеніи фрегата на Кронштадскомъ рейдѣ Удостоенъ отъ Государя Императора поцѣлуемъ".

Іюля 1. Произведенъ въ Капитаны 2-го ранга за отличіе.

(О. М. С. VI, 430)

ЗАМЫЦКІЙ, Дмитрій Петровичъ, Капитанъ 2-го ранга.

1833. За сдѣланный переводъ съ англійской книги „Часовыя таблицы" награжденъ золотой табакеркой „съ живописью".

(О. М. С. VII, 120)

КОЛОНТАЕВЪ, Егоръ Ивановичъ, Лейтенантъ.

1813. Въ проѣздѣ черезъ Одессу Королевы Неаполитанской, былъ назначенъ состоять при особѣ Ея Величества и за соблюденіе карантиннаго порядка былъ награжденъ отъ Государя Императора бриллiантовымъ перстнемъ и отъ Королевы — Неаполитанской саблею.

(О. М. С. VII, 279)

ЛАЗАРЕВЪ, Михаилъ Петровичъ, Вице-адмиралъ

1833. Въ воспоминаніе пребыванія въ Константинопольскомъ проливѣ вспомогательнаго россійскаго отряда, награжденъ турецкою золотой медалью, осыпанной алмазами, для ношенія въ петлицѣ и украшеннымъ бриллiантами портретомъ султана, „для ношенія въ его присутствіи".

(О. М. С. VII, 386)

Сообщилъ С. В. Гладкій

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ 1921 – 1922 ГГ.

Продолженіе.

Эвакуація

Оставалось начать эвакуацію.

19-го октября Правитель со Штабомъ Рати отбылъ въ Посьетъ. Передъ отъѣздомъ онъ издалъ Указъ, по которому вся полнота власти въ отношеніи полуострова Муравьевъ Амурскій сохраняется за Командующимъ Сибирской Флотиліей контръ-адмираломъ Старкъ (Редакція).

Этотъ приказъ былъ мертворожденъ, ибо Городское Самоуправленіе пребывало въ такомъ состояніи, которое исключало всякую возможность разсчитывать на его помощь въ дѣлахъ управленія.

Одновременно съ симъ мнѣ было прислано предписаніе Правителя № 950, коимъ мнѣ поручалось принять и погрузуть на корабли цѣнности, хранившіяся въ Государственномъ Банкѣ и составлявшія частную собственность. Мнѣ предоставлялось право реализировать эти цѣнности заграницей съ цѣлью помощи бѣженцамъ. Этого порученія, кстати сказать, я не исполнилъ, т. к. предвидѣлъ что заграницей, особенно въ американскихъ владѣніяхъ попытка реализовать чужую собственность можетъ навлечь на флотилію много непріятностей. Впослѣдствіи правильность моего заключенія подтвердилась многократно.

Фактически, эвакуація началась 16-го октября, когда была отправлена въ Посьетъ первая партія на трансп. „Охотникъ", буксируемомъ кан. лодкой „Илья Муромецъ". „Охотникъ" былъ оставленъ въ Посьетѣ разгружаться, а „Илья Муромецъ" возвратился во Владивостокъ. Тогда же мною была выслана на сѣверъ кан. лод. „Улиссъ" съ приказаніемъ отряду кап. 1 р. Соловьева итти немедленно на присоединеніе къ Флотиліи.

Для усиленія плавучихъ средствъ мною былъ отданъ приказъ о привлеченіи по военно-судовой повинности всѣхъ находившихся во Владивостокѣ пароходовъ Добровольнаго Флота и частныхъ судовъ. Изъ этихъ кораблей былъ составленъ отрядъ транспортовъ, командованіе коимъ я поручилъ контръ-адміралу Безуаръ. Большинство командъ пароходовъ Добровольнаго Флота и частныхъ разбѣжалось и пришлось ихъ комплектовать (въ самомъ минимальномъ размѣрѣ) личнымъ составомъ флотиліи. Въ составъ отряда транспортовъ вошли пароходы: „Защитникъ", „Монгугай", „Пушкарь", „Воевода", „Чифу", „Охотникъ", „Тунгузъ" и „Смѣльчакъ". Всѣ большіе пароходы Добровольнаго Флота находились, къ сожалѣнію, внѣ Владивостока. Кан. лод. „Манджуръ" была продана въ частныя руки съ правомъ использовать ее при эвакуаціи и съ обязательствомъ сдать покупателямъ въ ближайшемъ Корейскомъ порту.

Приходилось брать все, что могло двигаться, хотя бы на буксирѣ. Ледоколъ „Байкалъ", укомплектованный къ тому времени военной командой, я рѣшилъ взять съ собой, какъ сильный буксиръ. Японцами мнѣ было дано понять, что они не разрѣшатъ ухода другихъ ледоколовъ. Находившійся въ чартерѣ у Добровольнаго Флота пароходъ Морского Вѣдомства „Взрыватель" былъ возвращенъ въ составъ флотиліи и на немъ предполагалось эвакуировать большую часть семей офицеровъ и матросовъ флотиліи. Всѣ способные двигаться большіе катера Порта и Инженернаго Вѣдомства также оказались нужны.

Всего эвакуаціи подлежало около 10.000 чел., считая въ томъ числѣ нѣсколько сотъ раненыхъ, для которыхъ попеченіемъ Правителя было зафрахтовано два японскихъ парохода.

Для перевозки грузовъ была предоставлена кан. лод. „Свирь", прочіе же корабли были назначены подъ перевозку людей и лошадей.

Къ счастью, въ складахъ Уссурійской дороги во Владивостокѣ нашлось около 4.000 тоннъ угля. Этотъ запасъ и обезпечилъ эвакуацію, иначе она не представлялась бы возможной. Помимо угля, необходимаго для выхода кораблей, надо было позаботиться о погрузкѣ на корабли запасовъ провизіи. Намъ удалось принять большой запасъ муки и заготовить значительное количество солонины. Работа эта сопровождалась, къ счастью, единственнымъ печальнымъ случаемъ такого порядка за все время существованія флотиліи. Въ самомъ разгарѣ работы интендантства флотиліи по заготовкѣ провизіи исчезъ помощникъ флагманскаго интенданта мичманъ Будиловъ. При немъ находилась значительная сумма казенныхъ денегъ (около 7.000 іенъ). Никакихъ слѣдовъ его во Владивостокѣ обнаружить не удалось, а впослѣдствіи вы-

яснилось, что онъ бѣжалъ заграницу. Отмѣчаю этотъ случай, т. к., съ одной стороны, не могу обойти его молчаніемъ въ своемъ отчетѣ, съ другой же стороны, чтобы пресѣчь возможность службы этого недостойнаго офицера въ составѣ будущаго Россійскаго флота.

Только къ 31-му октября Дальневосточная казачья группа генерала Глѣбова, отступавшая на Владивостокъ, была готова для эвакуаціи въ Посьетъ.

22-го октября части группы съ семьями были погружены на кан. лод. „Батарея", „Байкалъ", „Свирь", „Манджуръ", всп. крейс. „Лейт. Дыдымовъ" и катера „Босфоръ" и „Усердный" и отбыли въ Посьетъ, причемъ к. л. „Манджуръ" была на буксирѣ у „Свири".

Ввиду того, что по плану ген. Дитерихса всѣ воинскія части изъ Посьета должны были слѣдовать въ Китай пѣшкомъ, я приказалъ кораблямъ вернуться къ разсвѣту 24-го и, не разсчитывая, что мы удержимъ Владивостокъ до этого момента, я приказалъ имъ по возвращеніи стать на якорь въ бухтѣ Новикъ на Русскомъ Островѣ, куда должны были быть перевезены всѣ люди, не успѣвшіе эвакуироваться къ моменту ухода японцевъ. Этотъ послѣдній моментъ никакъ нельзя было установить, т. к. онъ зависѣлъ отъ какихъ-то деталей переговоровъ японцевъ съ красными. Одно время, согласно официальнаго увѣдомленія японскаго штаба, я предполагалъ къ вечеру 22-го октября совершенно очистить городъ и, принявъ всѣ оставшіяся въ городѣ части ген. Лебедева на корабли, перейти въ бухту Новикъ, гдѣ дождаться возвращенія отряда кораблей изъ Посьета, чтобы на нихъ погрузить кадетскіе корпуса и бѣженцевъ съ Русскаго Острова.

Но 22-го октября вечеромъ, когда посадка частей ген. Лебедева, Морскихъ Стрѣлковъ и Русско-Сербскаго отряда на корабли должна была начаться, неожиданно прибыли ко мнѣ изъ Штаба офицеры японскаго штаба и настойчиво просили меня отъ имени Командующаго Войсками удержать охрану города до вечера 24-го октября.

Спрошенный мною японскій адмиралъ подтвердилъ эту просьбу. Тогда я отмѣнилъ эвакуацію и приказалъ войскамъ стать на охрану города.

23-24 октября никакія береговыя учрежденія уже не дѣйствовали, городъ замеръ въ ожиданіи прихода красныхъ. Все же отношеніе населенія къ отдѣльнымъ чинамъ флотиліи продолжало оставаться вполнѣ корректнымъ, хотя красные находились уже въ районѣ Второй рѣчки.

Не будучи уже теперь увѣреннымъ въ спокойствіи въ городѣ, я приказалъ арестовать давно выслѣженныхъ контръ-развѣдкой глава-

рей большевиковъ. Этимъ я лишалъ себя вѣрной информаціи о планахъ красныхъ, но безусловно парализовалъ ихъ работу на нѣсколько дней.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію оставленія нами Владивостока, необходимо указать на одинъ инцидентъ политическаго характера, имѣвшій мѣсто во Владивостокѣ въ эти дни.

Во Владивостокѣ находилась нѣкая политическая группа, именовавшая себя „Совѣтъ Уполномоченныхъ Организацій Автономной Сибири". Эта группа, возглавляемая кооператоромъ Сазоновымъ и профессоромъ Головачевымъ, исповѣдовала программу сибиряковъ-областниковъ и все время всячески старалась примкнуть къ антибольшевистскому движенію, претендуя не болѣе не менѣе какъ на Власть во всесибирскомъ размѣрѣ.

Послѣ отъѣзда Правителя, когда на мѣстѣ гражданскаго аппарата во Владивостокѣ осталась пустота, эта группа рѣшила выступить. Они начали съ убѣжденія всѣхъ военныхъ начальниковъ, что лишь стоитъ имъ объявить себя Сибирскимъ Правительствомъ, какъ японцы отмѣнятъ эвакуацію и дадутъ имъ заемъ на продолженіе борьбы.

Такъ какъ генералы Лебедевъ и Глѣбовъ явно сочувствовали имъ, то и я, не видя никакой пользы, но и вреда отъ ихъ выступленія, рѣшилъ не препятствовать этому эксперименту, тѣмъ болѣе, что до окончательной эвакуаціи оставалось двое сутокъ.

20-го октября Совѣтъ Уполномоченныхъ объявилъ себя Сибирскимъ Правительствомъ, принявшимъ на себя всю полноту власти, и занялъ пустые комнаты въ зданіи правительства. Никакихъ перемѣнъ отъ этого не произошло, и 22 октября „Сибирское Правительство", не будучи въ состояніи осуществить какое-либо дѣйствіе, присущее Власти, уже сидѣло на пароходѣ „Эльдорадо", готовясь эвакуироваться.

Кромѣ приказанія о вывозѣ цѣнностей, мною былъ полученъ отъ Правителя рядъ распоряженій, касавшихся погрузки большого количества боевыхъ припасовъ изъ числа находившихся подъ охраной японцевъ. Это также исполнить не удалось по той простой причинѣ, что японцы эвакуировались изъ Владивостока послѣ насъ, и охрана складовъ оставалась до самаго нашего отъѣзда въ ихъ рукахъ. Единственные склады, которые намъ удалось открыть еще около 15-го октября, благодаря старымъ знакомствамъ, были склады флотиліи въ Минно-Артиллерійскомъ городкѣ. Мы получили обильный запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, который увезли съ собой.

23-го октября я отдалъ слѣдующій приказъ:

Рейдъ Владивостокъ. Секретно.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗЪ
КОМАНДУЮЩАГО СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІЕЙ
23 Октября 1922 года.
№ 26 оп.

Завтра, 24-го октября къ вечеру, я рѣшаю съ оставшимися частями Флота и Арміи покинуть гор. Владивостокъ, для чего приказываю:

1) — Генералу Лебедеву закончить погрузку своего отряда на п/х. „Эльдорадо" къ 18-ти час., оставивъ прикрытіе въ районѣ Эгершельда въ 200 штыковъ и въ районѣ Коммерческой пристани отрядъ ген. Савельева въ 120 штыковъ (груза не болѣе 50 пуд.). Въ 18 ч. п/х. „Эльдорадо" отойти отъ пристани и итти къ Русскому Острову въ б. Новикъ. Отряду ген. Савельева погрузиться къ 18 час. на п/х. „Пушкарь", который подойдетъ къ Комерческой пристани къ 17 час. П/х. „Пушкарь" отойти отъ стѣнки въ 18 час. и итти въ б. Новикъ.

Прикрытію на Эгершельдѣ, по приходѣ „Эльдорадо" и „Пушкаря", стянуться къ мѣсту стоянки „Эльдорадо", погрузиться на к/л. „Илья Муромецъ", который подойдетъ туда къ 16 час. для слѣдованія въ б. Новикъ.

Къ 15 час. прислать на п/х. „Пушкарь" караулъ въ 15 штыковъ и на п/с. „Стражъ и „Фарватеръ" патрули по 10 штыковъ на каждый.

2) — Батальону Морскихъ Стрѣлковъ и Русско-Сербскому Отряду закончить погрузку на суда къ 17 час., оставляя при стягиваніи частей необходимые заслоны и используя катера „Находка" и „Усердный". Батальону грузиться на „Защитникъ", а Русско-Сербскому Отряду — на к/л. „Діомидъ". Въ 17 час. „Діомиду", „Защитнику" и „Находкѣ" (послѣдней по возможности) итти въ б. Новикъ, а катеру „Усердный" подойти къ „Фарватеру".

3) — К/л. „Діомидъ" и п/х. „Защитникъ" быть противъ Экипажной пристани въ Гниломъ углу къ 14 ч., произвести погрузку, согласно п. 2 настоящаго приказа, и слѣдовать въ 17 час. въ б. Новикъ.

Общее руководство погрузкой возлагаю на контръ-адмирала Безуаръ.

4) — К/л. „Илья Муромецъ" быть къ 16 час. у мѣста стоянки п/х. „Эльдорадо" (вблизи конторы Добровольнаго Флота), произвести погрузку прикрытія, согласно п. 1-го настоящаго приказа, и слѣдовать въ б. Новикъ.

5) — П/х. „Пушкарь" быть къ 17 час. у Коммерческой пристани и, войдя въ связь съ ген. Савельевымъ, вступить въ его распоряженіе. Передъ подходомъ къ пристани принять караулъ въ 15 чел. для охраны парохода и пристани.

6) — Катеру „Надежный" въ 17 час. снять караулъ и дежурныхъ чиновъ штаба изъ зданія пріемной комиссіи и итти в б. Новикъ.

7) — Катеру „Усердный" быть къ 14 час. у Экипажной пристани и поступить въ распоряженіе контръ-адмирала Безуаръ.

8) — П/х. „Взрыватель" въ полдень сняться и итти в б. Новикъ.

9) — Катерамъ „Орликъ" и „Голубокъ" итти за п/с. „Фарватеръ".

10) — П/х. „Фарватеръ" и „Стражъ" къ 18 час. занять мѣста „Фарватеру" у Чуринскаго мыса, „Стражу" у Эгершельда противъ Крестовой горы и выслать патрули на берегъ для наблюденія и предупрежденія возможности обстрѣла при выходѣ кораблей.

11) — Вахту на телефонной станціи снять съ отходомъ охраняющаго станцію караула и грузиться вмѣстѣ съ послѣднимъ.

12) — Кораблямъ при обстрѣлѣ съ берега орудійнаго огня не открывать.

13) — Я буду на п/с. „Фарватеръ".

14) — ВСѢМЪ СОБЛЮДАТЬ ТОЧНО УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ.

Контръ-адмиралъ СТАРКЪ

Начальникъ Штаба,

Капитанъ 1 ранга Ѳоминъ.

Этотъ приказъ, разсчитанный по часамъ, былъ выполненъ въ совершенномъ порядкѣ, точно въ назначенные сроки. Къ 11 час. ночи 24 октября Владивостокъ былъ очищенъ нами. Въ городѣ оставались японскіе патрули, охранявшіе порядокъ. Всѣ корабли, съ погруженными на нихъ воинскими частями и семьями, сосредоточились въ б. Новикъ. Ввиду того, что всѣ болѣе крупные корабли флотиліи служили какъ транспорта и были связаны въ своихъ передвиженіяхъ, я держалъ свой флагъ на „Фарватерѣ", тамъ же находилась часть моего Штаба. Начальникъ Штаба съ остальными чинами находился на п/с. „Стражъ". Въ бухтѣ Новикъ я перенесъ флагъ на к/л. „Діомидъ".

Неприбытіе кораблей изъ Посьета въ теченіе 24-го и ночи на 25-е означало, что они задержаны въ Посьетѣ вслѣдствіе измѣнившейся обстановки.

Зная, что 25-го утромъ красные входятъ во Владивостокъ, я приказалъ съ разсвѣтомъ принимать кадетскіе корпуса на бортъ стоявшихъ въ б. Новикъ кораблей, уплотняя ихъ выше всякаго предѣла.

Къ 11 час. утра погрузка была закончена, и несчастливымъ корпусамъ пришлось бросить большую часть своего имущества. Насколько велико было уплотненіе, можно судить потому, что, напр. на „Взрывателѣ (1100 тоннъ водоизмѣщенія), при загруженныхъ трюмахъ было 460 пассажировъ съ ихъ багажемъ.

Для установленія связи съ кораблями отряда кап. 1 р. Соловьева, по моимъ расчетамъ ожидавшимися съ часу на часъ, я выслалъ п/с. „Парисъ" съ приказаніемъ держаться нѣсколько дней въ районѣ о-ва Аскольдъ и по встрѣчѣ съ кап. 1 р. Соловьевымъ передать его отряду рандеву — Гензанъ.

„Діомидъ" (мой флагъ), „Илья Муромецъ" съ „Пушкаремъ" на буксирѣ, „Стражъ" съ баржой на буксирѣ (на баржѣ были снаряды къ полевымъ пушкамъ и ружейные патроны изъ запасовъ 3-го корпуса), „Фарватеръ", „Эльдорадо", „Защитникъ" и катеръ „Усердный" — всѣ шли по способностямъ въ Посьетъ. Остальные катера съ разобранными машинами были оставлены во Владивостокѣ.

Красные вступили въ городъ, очищенный японцами, въ 10 час. утра 25 октября, но не имѣли никакихъ двигающихся плавучихъ средствъ для преслѣдованія насъ.

Наступившая свѣжая погода съ вѣтромъ отъ Зюйдъ-Зюйдъ-Веста и крупной зыбью надѣлала много хлопотъ буксирующимъ судамъ, причемъ „Стражъ", перервавъ всѣ наличные буксиры, былъ вынужденъ бросить баржу съ боевыми припасами, взорвавъ ее.

Въ ночь на 26-е октября корабли сосредоточились въ Посьетѣ.

Здѣсь я узналъ, что ген. Дитерихсъ отмѣнилъ высадку частей въ Посьетѣ и приказалъ имъ слѣдовать далѣе въ Гензанъ на корабляхъ. Распоряженіе это было мнѣ передано въ видѣ записки слѣдующаго содержанія:

Командующему Сибирской Флотиліей.

Ваше предписаніе № 941 командиру л/к. „Батарея", какъ мнѣ ни непріятно, но въ силу обстановки здѣсь вынужденъ измѣнить и направить всю Дальневосточную группу въ Гензанъ, т. к. 1950 человѣкъ семей этой группы, иначе, должны быть брошены здѣсь за отсутствіемъ возможности передвиженія ихъ грунтовымъ порядкомъ.

22-го Октября, 12 ч. дня, 1922 г.

Правитель, Мих. Дитерихсъ

Положеніе создалось безвыходное. Переходъ моремъ въ осеннее время до Гензана (360 миль) въ томъ состояніи скученности, въ которомъ находились люди на корабляхъ, представлялся чрезвычайно опаснымъ, почти невыполнимымъ. Особенно рискованно было это для ко-

раблей, шедшихъ на буксирѣ: „Манджуръ", „Пушкарь", „Охотникъ" и „Чифу", т. к. сами буксирующіе были почти лишены всякихъ морскихъ качествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни оставаться въ Посьетѣ, ни высадить людей нечего было и думать. На „Манджирѣ" и на „Охотникѣ", имѣвшихъ на борту свыше чѣмъ по тысячѣ людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не оказалось ни воды, ни угля, т. к. по плану они должны были итти дальше пустыми.

Правитель находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Посьета, но онъ все равно не имѣлъ уже власти распорядиться и ничѣмъ не могъ помочь.

На слѣдующій день, снабдивъ „Охотникъ" и „Манджуръ" углемъ и водой, я приказалъ сниматься съ якоря и итти въ Гензанъ (Корея). Этотъ портъ, какъ ближайшій пунктъ, связанный желѣзной дорогой съ Маньчжуріей, намѣчался въ расчетѣ, что намъ удастся разгрузить корабли отъ бѣженцевъ и получить съ флотиліей нѣкоторую оперативную свободу. Я все еще не оставлялъ мысли сдѣлать переходъ на Камчатку, если отъ нашихъ представителей въ Японіи будутъ получены благопріятныя свѣдѣнія.

Флотилія, вышедшая изъ Посьета 28-го октября, имѣла въ своемъ составѣ:

К/л. „Байкалъ", ком. кап. 2 р. Ильвовъ (мой флагъ)
„ „Батарея", ком. кап. 1 р. Петровскій
„ „Діомидъ", ком. кап. 2 р. Кореневъ
„ „Илья Муромецъ", ком. ст. лейт. Буцкой, Нач. 2 дивизіона кап. 2р. Четвериковъ
„ „Свирь" — лейт. Куровъ
„ „Бзрыватель" ком. кап. 2 р. Ваксмутъ (Фл. Кап. Штаба)
Вс. кр. „Лейт. Дыдымовъ" — ком. ст. лейт. Семенецъ
п/с. „Фарватеръ", ком. ст. лейт. Хейсканенъ
„ „Стражъ", ком. мичм. Петренко

Отрядъ транспортовъ:

Начальникъ отряда контръ-адмиралъ Безуаръ.

П/х. „Защитникъ", „Эльдорадо", „Монгугай", тр. „Охотникъ", к/л. „Манджуръ", п/х „Воевода", „Пушкарь", „Смѣльчакъ" и „Чифу".

Коменданты — офицеры Флота. Команда — смѣшанная.

катера' „Стрѣлокъ", „Рѣзвый", „Усердный", „Надежный", „Ординарецъ" и „Ретвизанчикъ".

Я держалъ свой флагъ на к/л. „Байкалъ. При мнѣ находились: Нач. Штаба кап. 1 р. Фоминъ, Флагм. Интендантъ, ст. лейт. Гинтеръ,

Флагм. Штурманъ, онъ же Стар. Флагъ-офицеръ по Операт. части лейт. Тихомировъ, флагъ-офицеръ лейт. Руперти и подп. по Адм. Критскій. Остальные чины Штаба слѣдовали на другихъ корабляхъ Флотиліи.

Изъ числа высшихъ чиновъ береговыхъ учрежденій Морск. Вѣд. во Владивостокѣ съ Флотиліей эвакуировались только Капитанъ надъ Портомъ, Инж. Полк. Яронъ и его помощникъ по строевой части ген.-маіоръ по Адм. Исаковъ.

При Флотиліи слѣдовали принадлежавшія ей части: 1) — Батальонъ Морскихъ стрѣлковъ (полк. Цимбаловъ), 3 роты, всего около 350 чел., 2) — Руско-Сербскій Отрядъ (полк. Вишневецкій), 100 чел.

Кромѣ того находились:

На „Камчаткѣ" — Нач. 1-го дивизіона кап. 1 р. Ильинъ съ к/л. „Магнитъ" (ком. лейт. Дрейеръ) и п/х. Добр. Флота „Сишанъ".

На пути изъ Охотскаго моря во Владивостокъ п/х. Добр. Флота „Томскъ" съ комендантомъ и карауломъ отъ Флотиліи.

На пути съ побережья въ Гензанъ — кап. 1 р. Соловьевъ с к/л. „Патроклъ" (ком. стар. лейт. Мацылевъ), п/с. „Аяксъ" (ком. лейт. Марковъ) и п/с. „Парисъ" (ком. лейт. Ельмановичъ).

Вся эта масса кораблей съ находившимися на ней войсками и бѣженцами направлялась въ Гензанъ. Будущее Флотиліи было окутано полнѣйшимъ мракомъ, въ настоящемъ была борьба со стихіей при совершенно невѣроятной для кораблей обстановкѣ.

Заканчивая этимъ обзоръ пребыванія Флотиліи въ Россійскихъ водахъ, я полагаю возможнымъ съ увѣренностью сказать, что Сибирская Флотилія была неповинна въ томъ крахѣ, который постигъ нашу маленькую Приамурскую Государственность. Та часть работы, которая легла на Флотилію, сопровождалась постепенно развивающимся успѣхомъ. Даже въ послѣдній моментъ существованія Приамурской Государственности, на фонѣ всеобщей растерянности и хаоса, Флотилія сумѣла сохранить свою цѣлость, что позволило ей выполнить свой послѣдній тяжелый долгъ передъ своими боевыми товарищами — чинами арміи — эвакуировать ихъ и ихъ семьи заграницу.

Помимо причинъ, создавшихъ тяжелую внѣшнюю обстановку и не зависѣвшихъ отъ политическихъ дѣятелей Приморья, наша неудача въ значительной степени явилась слѣдствіемъ возмутительной разрозненности, распрей и интригъ, царившихъ въ средѣ русской общественности, причастной къ этому клочку земли, и политиканства, проѣвшаго насквозь верхи Бѣлой Арміи Приморья.

Походъ отъ Посьета до Гензана.

Какъ было уже сказано, корабли флотиліи, какъ находившіеся непосредственно подъ моимъ командованіемъ, такъ и задержавшіеся еще на побережьѣ Татарскаго пролива (отрядъ кап. 1 р. Соловьева) въ концѣ октября 1922 г. покинули предѣлы Россіи.

Необходимо замѣтить, что благодаря отсутствію у Вр. Приамурскаго Правительства и у Правительства ген. Дитерихса сколь нибудь серьезнаго заграничнаго представительства, никакой информаціи о возможномъ отношеніи къ намъ со стороны иностранныхъ державъ, въ частности Японіи и Китая, у Правительства не было. Не было поэтому и никакого плана похода флотиліи, и мнѣ не было дано Правительствомъ никакихъ руководящихъ указаній, кромѣ обязательства доставить семьи военнослужащихъ въ одинъ изъ портовъ Китая. Однако, послѣ приказа Правителя о невыпускѣ въ Посьетѣ на берегъ частей генераловъ Глѣбова и Лебедева, и это приказаніе отпало, т. к. корабли, перегруженные войсками и кадетами, не могли помышлять о походѣ изъ Посьета хотя бы въ Шанхай или Инкау. Надо еще помнить, что часть кораблей, имѣвшихъ на борту наибольшее число бѣженцевъ, какъ-то „Манджуръ", „Чифу", „Охотникъ", „Пушкарь", шли на буксирѣ и понятно, не могли выдержать похода открытымъ моремъ, при томъ состояніи, въ которомъ находились буксиры и буксирныя средства.

Единственнымъ источникомъ заграничной информаціи для меня была моя переписка съ нашимъ бывшимъ Морскимъ Агентомъ въ Токіо, контръ-адмираломъ Б. П. Дудоровымъ, и бывшимъ предсѣдателемъ Вр. Приамурскаго Правительства С. Д. Меркуловымъ, находившимся также въ Токіо.

Изъ сообщеній перваго, основанныхъ на данныхъ, полученныхъ изъ круговъ нашего Токійскаго Посольства, явствовало, что: 1) — японцы, находившіеся въ переговорахъ съ красными, будутъ стремиться какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ нашихъ кораблей и бѣженцевъ, поэтому, хотя непосредственной опасности въ японскихъ портахъ въ смыслѣ ареста кораблей и передачи ихъ краснымъ, намъ пока не угрожало, но ни на какую помощь мы пока разсчитывать не могли. 2) — Китай находился въ состояніи близкомъ къ анархіи, причемъ враждовавшіе между собой губернаторы отдѣльныхъ областей явно не считались съ властью Центральнаго Правительства и въ своей политикѣ считались только съ личной выгодой, чѣмъ и опредѣлялась ихъ неустойчивость въ отношеніяхъ съ большевиками. Само Центральное Правительство, перестав-

шее еще осенью 1920 года признавать нашего прежняго посла и уничтожившее экстерриторіальность для русскихъ и наши прежнія концессіи, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ совѣтскаго посла Іоффе. При такихъ условіяхъ стоянка въ какомъ-либо порту Китая, и даже заходъ въ такой портъ безъ предварительнаго договора съ мѣстнымъ автономнымъ губернаторомъ и безъ реальнаго обезпеченія съ его стороны, представлялась явно опасной. 3) — Всѣ великія державы, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки, имѣвшія своихъ представителей, управлявшихъ международными портами Востока, были болѣе или менѣе заинтересованы въ томъ, чтобы не давать большевикамъ повода обвинять ихъ въ помощи бѣлымъ. Наиболѣе вліятельная держава на Востокѣ — Великобританія — уже заключила торговый договоръ съ Совѣтской Россіей, поэтому собственно англійскіе порты были закрыты для насъ. По мнѣнію адмирала Дудорова, только въ портахъ Сѣв. Амер. Соединенныхъ Штатовъ мы могли найти надежное убѣжище и даже помощъ, но ни въ коемъ случаѣ не политическаго характера, а чисто благотворительнаго. Однако, Манила, ближайшій портъ владѣній С. А С. .Ш., отстоялъ отъ Посьета больше чѣмъ на 2000 морскихъ миль и былъ недостигаемъ для насъ въ то время.

Другой освѣдомитель С. Д. Меркуловъ сообщалъ, что на Востокѣ еще не все потеряно и что онъ надѣется, использовавъ свои связи въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ японскихъ кругахъ, обезпечить намъ отходъ па Камчатку и помощь Японіи новому Камчатскому государственному образованію. Хотя этотъ планъ, при наличіи нашего временнаго преобладанія на морѣ, при томъ, что въ Петропавловскѣ на Камчаткѣ находился еще нашъ гарнизонъ и корабли, и при не разъ доказанной измѣнчивости японской политики не могъ представляться окончательной нелѣпостью, но все же въ него мало вѣрилось. Этотъ планъ, помимо политической помощи, требовалъ большихъ денежныхъ затратъ, и непонятно откуда могли бы взяться люди, которые ссудили бы насъ въ такой короткій срокъ большими деньгами безъ видимаго реальнаго обезпеченія.

Такъ или иначе, но на ближайшее время флотиліи не было иного исхода, какъ избрать первымъ пунктомъ сосредоточенія ближайшій оборудованный иностранный портъ — Гензанъ.

Окончаніе слѣдуетъ.

БИБЛIОГРАФIЯ

ПОРТЪ АРТУРЪ, Воспоминанія участниковъ.
Издательство имени Чехова, Нью Iоркъ, 1955 г.
412 стр.

Къ 50-ой годовщинѣ одиннадцатимѣсячной осады Портъ Артура Издательствомъ имени Чехова былъ выпущенъ сборникъ воспоминаній участниковъ славной обороны крѣпости.

Книга начинается предисловіемъ Н. С. Тимашева, дающаго обзоръ русской политики того времени на Дальнемъ Востокѣ и знакомящаго читателя съ причинами, приведшими къ Русско-Японской войнѣ.

Далѣе, контръ-адмиралъ В. П. Дудоровъ объясняетъ цѣли флота на Дальнемъ Востокѣ, значеніе Портъ Артура какъ крѣпости и базы флота и разбираетъ причины, приведшія къ гибели флота и сдачѣ крѣпости. Дальше — рядъ небольшихъ разсказовъ — воспоминаній доживших до нашихъ дней участниковъ осады, описывающихъ рядъ событій, какъ предшествовавшихъ началу войны и атакѣ японцевъ 27 января 1904 г., такъ и послѣдовавшихъ — дѣйствія отдѣльныхъ кораблей, гибель „Петропавловска" и адмирала Макарова, дни осады, дѣйствія на сухопутномъ фронтѣ, защиту фортовъ, выходъ флота и бой 1 августа и, наконецъ, послѣдніе дни осады и сдачу крѣпости. Заканчивается книга копіей приказа по Арміи и Флоту, подписаннаго Государемъ Императоромъ 1 января 1905 г., посвященнаго памяти погибшихъ и воздающаго должное героямъ-защитникамъ.

Большинство авторовъ благополучно здравствуютъ и хорошо извѣстны въ морской семьѣ зарубежья.

Воспоминанія читаются съ большимъ интересомъ, прекрасно напечатаны и изданы, какъ, впрочемъ, всѣ книги выпускаемыя Издательствомъ имени Чехова.

RUSSIA'S JAPAN EXPEDITION
1852 - 1855
by George Alexander Lensen
University of Florida Press
Gainesville, Fla. 1955.

208 pages $ 4.00

Авторъ, Георгій Александровичъ Ленсенъ, профессоръ университета штата Флориды по кафедрѣ исторіи — былъ командированъ въ Японію для научно-изслѣдовательной работы и провелъ тамъ нѣсколько

лѣтъ. Владѣя какъ русскимъ, такъ и восточными языками, онъ имѣлъ возможность въ своихъ изысканіяхъ пользоваться первоисточниками и имѣлъ доступъ къ американскимъ и японскимъ архивамъ.

Трудъ его посвященъ исторіи экспедиціи, отправленной Императоромъ Николаемъ I въ 1853 г., подъ командой генералъ-адъютанта, вице-адмирала Е. В. Путятина, задачей котораго было завязать дружескія сношенія съ Японіей. Гончаровъ, въ своей классической повѣсти „Фрегатъ Паллада", описываетъ плаваніе этого корабля до первыхъ дней прибытія въ Японію — дальше Г. А. Ленсенъ, въ яркихъ краскахъ, востанавляетъ какъ повседневную, такъ и политическую дѣятельность экспедиціи, сравниваетъ русскія и японскія точки зрѣнія, разбираетъ русско-американское соперничество и использованіе его японскими сановниками и дипломатами пользуясь донесеніями, дневниками и письмами на русскомъ, японскомъ и китайскомъ языкахъ и, помимо того, французскими и нѣмецкими источниками.

Авторъ излагаетъ веденіе переговоровъ, какъ въ первое посѣщеніе Японіи „Палладой", такъ и второе посѣщеніе на „Діанѣ", гибель этого фрегата во время землетрясенія 23 декабря 1853 г., пребываніе экипажа „Діаны" на берегу въ Хедо, заключеніе адмираломъ Путятинымъ Шимодскаго договора, постройку шхуны „Хедо" и возвращеніе экипажа „Діаны" въ Россію.

Въ заключеніе авторъ, анализируя свой трудъ, приводитъ рядъ выводовъ, подтверждающихъ, что экспедиція адмирала Путятина помогла мирному открытію сношеній съ Японіей, поддержавъ уже оказанное американскими военными судами давленіе, и что адмиралу Путятину удалось выговорить отъ японцевъ больше концессій чѣмъ американскому адмиралу Перри.

Исторія русско-японской экспедиціи полна приключеній, бѣдствій, героизма и выраженій дружбы, обстоятельно и интересно описанныхъ Г. А. Ленсеномъ.

На переплетѣ изображена репродукція японской картины того времени — пріемъ японскими представителями делегаціи, состоящей изъ русскихъ морскихъ офицеровъ.

Перу Г. А. Ленсена принадлежатъ также: „Report from Hokkaido"; The Remains of Russian Culture in Northern Japan и статьи о руско-японскихъ отношеніяхъ.